

Бестселлер New York Times #1

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

В мире продано более 130 000 000
экземпляров романов автора

АБСОЛЮТНАЯ
ВЛАСТЬ

ГРАНД МАСТЕР

Дэвид Болдаччи. Гигант мирового детектива

Дэвид Болдаччи
Абсолютная власть

«ЭКСМО»

1996

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Болдаччи Д.

Абсолютная власть / Д. Болдаччи — «Эксмо», 1996 — (Дэвид Болдаччи. Гигант мирового детектива)

ISBN 978-5-04-097795-6

Болдаччи движет весь жанр саспенса. People Этот роман рвет в клочья общепринятые нормы современного триллера. Sunday Express И снова вы можете произнести слова «Болдаччи», «бестселлер» и «киносценарий», не переводя дыхание. Chicago Sun Роман «Абсолютная власть» явился дебютом Болдаччи – и его ошеломительным успехом, став безусловным мировым бестселлером. По этой книге снят одноименный киновблокбастер, режиссером и исполнителем главной роли в котором стал Клинт Иствуд. Интересно, насколько богатая у вас фантазия?.. Представьте себе, что вы – высококлассный вор и забрались в роскошный особняк. Обчистив его и не оставив ни единого следа, вы уже собираетесь испариться с награбленным, но внезапно слышите шаги и стремительно прячетесь в укромное место. Неожиданно появляются хозяйка дома и неизвестный мужчина. У них начинается бурный секс. Но мужчина ведет себя как садист, и женщина, защищаясь, хватает со столика нож. Тут в спальню врываются двое вооруженных охранников и расстреливают несчастную в упор. Страсть оказалась смертельной. А незнакомец поворачивается к вам лицом – и вы узнаете в нем... президента США! Что бы вы сделали, а?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-097795-6

© Болдаччи Д., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	42
Глава 5	52
Глава 6	57
Глава 7	65
Глава 8	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Дэвид Балдаччи

Абсолютная власть

David Baldacci
ABSOLUTE POWER

Copyright © 1996 by Columbus Rose, Ltd.

This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

© Перевод на русский язык, С.М. Саксин, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Посвящается Мишель, моему самому близкому другу, моей
любящей жене, моему сообщнику по преступлениям: без тебя эта мечта
так и осталась бы слабым блеском в усталых глазах*

*Моим матери и отцу: никакие родители не смогли бы дать больше
Моим брату и сестре, за то, что многое вытерпели от своего
младшего брата и по-прежнему остались со мной*

*Власть развращает,
абсолютная власть развращает абсолютно.
Лорд Джон Дальберг-Актон*

Глава 1

Он небрежно повернул рулевое колесо, и машина с погашенными огнями, проехав еще немного, остановилась. Последние камешки щебенки вывалились из канавок протекторов шин, после чего наступила полная тишина. Он посидел, привыкая к окружающей обстановке, затем достал бывалый, но по-прежнему эффективный прибор ночного видения. В фокусе медленно появился дом. Он уселся поудобнее, не спеша, уверенно. На переднем сиденье рядом лежал холщовый рюкзачок. Салон машины был обшарпанный, но чистый.

Машину он угнал. Причем угнал из самого неожиданного места.

Под зеркалом заднего вида висела парочка миниатюрных пальм. Взглянув на них, он мрачно усмехнулся. Возможно, вскоре он отправится в страну пальм. Безмятежная голубая прозрачная вода, бархатные закаты цвета лососевого филе, долгий сон по утрам. Ему нужно убраться отсюда. Пришло время. Сколько уже раз он повторял себе это, однако теперь у него наконец появилась полная уверенность в этом.

В свои шестьдесят шесть Лютер Уитни уже имел право получать пенсию; он был членом Американской ассоциации пенсионеров. В таком возрасте большинство мужчин довольствуются новым делом: осваивают ремесло дедушек, помогая своим детям воспитывать их детей; изношенные суставы ищут покоя в мягких креслах, а артерии оказываются закупорены разным мусором, скопившимся за долгие годы.

Всю свою жизнь Лютер Уитни посвятил одному-единственному ремеслу. Ремесло это заключалось в том, что он тайно проникал в дома и кабинеты других людей, как правило, ночью, и забирал столько принадлежащих им вещей, сколько мог унести с собой.

Хотя Лютер очевидно находился по ту сторону закона, он ни разу не выстрелил из пистолета и не ударил ножом, в порыве ярости или страха, если не считать его участия в той суматошной войне, в которой сошлись Северная и Южная Кореи. И кулаками он орудовал лишь в баре и только в целях самообороны, поскольку пиво делает человека храбрее, чем он есть на самом деле.

Выбирая цели, Лютер руководствовался одним-единственным критерием: он отнимал только у тех, кто с легкостью мог позволить себе потерю. На его взгляд, он ничем не отличался от полчищ тех людей, которые по роду своих занятий постоянно обхаживают богачей, убеждая их покупать совершенно бесполезные вещи.

Добрую часть из своих шестидесяти с лишним лет Лютер провел в различных исправительных заведениях Восточного побережья, сначала усиленного, затем строгого режима. Подобно гранитным глыбам, на его шее висели три судимости в трех разных штатах. Из его жизни были вырваны годы. Важные годы. Но теперь он уже ничего не мог с этим поделать.

Лютер отточил свое мастерство до такой степени, когда можно тешить себя надеждой, что четвертый обвинительный приговор так никогда и не воплотится в жизнь. Последствия следующего провала не таили в себе никакой загадки: ему светил максимальный срок, двадцать лет. А в его возрасте двадцать лет были равносильны смертному приговору. С таким же успехом его можно будет поджарить на костре, как в свое время поступали с особенно нехорошими людьми в колонии Вирджиния. Жители этого штата, имеющего богатую историю, были по большей части людьми богобоязненными, и религия, основанная на принципе возмездия по заслугам, упорно требовала полной расплаты за все преступления. В итоге Вирджинии удалось привести в исполнение больше смертных приговоров, чем в каком-либо другом штате, за исключением двух, а лидеры, Техас и Флорида, полностью разделяли моральные принципы своей северной сестры. Но только не за простую кражу со взломом: даже у добрых граждан Вирджинии были свои пределы.

И все же, несмотря на столь огромный риск, Лютер не мог оторвать взгляда от дома – от особняка, разумеется, как полагалось его называть. Особняк вот уже несколько месяцев полностью владел мыслями Уитни. Сегодня ночью этим мечтам суждено было воплотиться в жизнь.

Миддлтон, штат Вирджиния. Сорок пять минут на машине по прямому, как стрела, шоссе, идущему на запад от Вашингтона. Родина обширных поместий с обязательными «Ягуарами» и породистыми лошадьми, каждая из которых обошлась своему владельцу в такую сумму, на какую жильцы многоквартирного дома в неблагополучном районе смогли бы прожить целый год. Дома в этих краях, отстоящие далеко друг от друга, блистающие великолепием, гордятся своими именами. От Лютера не укрылась ирония, скрытая в названии его нынешней цели: «Амулет»¹.

Приток адреналина, сопровождавший каждое дело, всегда оказывался не таким, как прежде. Лютер сравнивал это с тем, что чувствует отбивающий в бейсболе, небрежно семенящий по базам, никуда не торопясь, после того как мяч, получивший хороший удар, отлетел куда-то далеко в сторону. Зрители вскочили на ноги, пятьдесят тысяч пар глаз прикованы к одному-единственному человеку, весь воздух земли словно втянулся в одно замкнутое пространство – и вдруг высвобождается блистательной дугой, описанной куском дерева в руках этого человека.

Лютер окинул местность долгим взглядом своих еще острых глаз. Тут и там ему подмигивали светлячки. В остальном он был совершенно один. Какое-то время Уитни слушал нарастание и спад цикад, затем их нестройный хор растворился в фоновом шуме – настолько всеобщим он был для каждого, кто долго прожил в этих краях.

Проехав еще немного по шоссе, Лютер свернул на грунтовую дорогу, вскоре закончившуюся у густой рощи. Свои тронутые сединой волосы он скрыл под черной вязаной шапочкой, обветренное лицо вымазал черной краской; остались только спокойные зеленые глаза над квадратным подбородком. Мышцы его поджарого тела, как всегда, были упругими. У него сохранилось телосложение бойца спецназа, каковым он когда-то и был.

Лютер вышел из машины и, присев на корточках за деревом, осмотрел свою цель. «Амулет», подобно многим сельским домам, владельцы которых уже давно отошли от сельского хозяйства, сохранил на въезде чугунные ворота на кирпичных столбах-близнецах, но ограды не было. На территорию поместья можно было запросто попасть с дороги или через лес. Лютер вошел через лес.

Ему потребовалось две минуты, чтобы добраться до края засаженного кукурузой поля, примыкающего к дому. Несомненно, владельцу можно было не выращивать в своем огороде овощи, чтобы прокормить себя, но ему, похоже, пришлась по душе роль сельского сквайра. Лютер ничего не имел против, поскольку это позволяло ему скрытно подойти почти к самой входной двери.

Выждав немного, он скрылся в плотных объятиях стеблей кукурузы.

Земля была мягкой, поэтому его кроссовки практически не производили шума, что было важно, ибо здесь любой звук разносился далеко. Он смотрел прямо вперед; его ноги, имея большой опыт, тщательно выбирали путь среди редких рядов кукурузы, компенсируя небольшие неровности почвы. После сводящего с ума удушливого летнего зноя ночной воздух казался прохладным, но все-таки он был не настолько холодным, чтобы дыхание образовывало крошечные облачка пара, которые мог бы увидеть издали чей-нибудь бдительный или бессонный взгляд.

---

¹ Непереводаемая игра слов: *copper* – амулет в виде медного диска, который носили индейцы как знак богатства и власти – также имеет значение «полицейский». – *Здесь и далее прим. пер.*

За последний месяц Лютер уже несколько раз отрепетировал эту операцию, неизменно останавливаясь на краю поля перед тем, как покинуть ничейную землю и шагнуть на территорию поместья. Каждую мелочь он мысленно прокрутил не одну сотню раз, до тех пор пока у него в сознании не отпечатались четкий сценарий из движений, ожидания и новых движений.

Присев на корточки на кромке поля, Уитни еще раз медленно огляделся по сторонам: торопиться незачем. Собак нет: очень хорошо, об этом можно не беспокоиться. Человек, каким бы молодым и резвым он ни был, просто не сможет убежать от собаки. Но еще больше Лютеру не нравился их громкий лай. Наружная сигнализация отсутствовала – вероятно, потому, что многочисленные популяции оленей, белок и енотов, бродящих вокруг, приводили бы к постоянному ее ложному срабатыванию. Однако в самом ближайшем времени Лютеру предстояло столкнуться с высокотехнологичной охранной системой, отключить которую он должен будет за тридцать секунд – и это включая десять секунд на то, чтобы снять с панели крышку.

Патруль частной охранной фирмы проехал мимо дома тридцать минут назад. Доморощенные полицейские теоретически должны были постоянно менять маршрут обхода, однако за месяц наблюдений Лютер легко установил закономерность. У него будет по меньшей мере три часа до следующего появления патруля. Но столько времени ему и не потребуется.

Вокруг царила крошечная темнота, а густой кустарник, эта животворная кровь воровского сословия, прилип к кирпичным стенам, подобно кокону гусеницы в ветке дерева. Лютер проверил все окна дома: везде темно, везде тихо. Он лично проследил за тем, как два дня назад караван, увозящий всех обитателей дома, отбыл в южные края, – и тщательно пересчитал всех хозяев и прислугу. А до ближайшего поместья добрых две мили.

Лютер собрался с духом. Он тщательно все просчитал, однако в его ремесле истина заключалась в том, что предусмотреть все нельзя.

Расслабив ляжки рюкзака, он выскользнул из зарослей кукурузы и длинными плавными шагами пересек лужайку, меньше чем через десять секунд оказавшись перед массивной входной дверью из прочного дерева, усиленного стальной рамой. Дверь была оснащена запорной системой, занимающей верхнюю строчку в рейтинге надежности. Однако Лютера все это несколько не беспокоило.

Достав из кармана дубликат ключа, он вставил его в замочную скважину, однако поворачивать не стал.

Еще несколько секунд он прислушивался. Затем снял рюкзак и переобулся, чтобы не оставлять следов грязи. После чего приготовил электрический шуруповерт: он откроет доступ к электрическим схемам сигнализации, которые ему нужно будет обмануть, в десять раз быстрее, чем это можно было бы сделать голыми руками.

Следующий элемент снаряжения, который Лютер аккуратно достал из рюкзака, весил ровно шесть унций, имел размеры карманного калькулятора и, если не брать в расчет его дочь, был лучшим его приобретением в жизни.

Уитни уже получил пять цифр кода охранной системы дома и запрограммировал их в своем компьютере. Точный порядок их следования до сих пор оставался для него загадкой, однако это препятствие должен быстро преодолеть его крошечный компаньон из металла, проводов и микросхем, если он хочет избежать пронзительного завывания из четырех динамиков, установленных во всех углах этой крепости площадью десять тысяч квадратных футов, в которую он собирался проникнуть. После чего последует звонок в полицию с безымянного компьютера, с которым Лютеру сейчас предстояло вступить в борьбу. Также дом был оснащен датчиками давления, установленными на окнах и на полу, в дополнение к помехозащищенным дверным магнитам. Но все это окажется абсолютно бесполезным, если «Разум» сумеет вырвать из рук системы сигнализации правильную кодовую последовательность.

Бросив взгляд на вставленный в дверь ключ, Лютер умелым движением закрепил «Разум» на ремне, чтобы тот свободно болтался сбоку. Ключ легко повернулся в замке, и Уитни

приготовился заглушить следующий звук, который ему предстояло услышать, – негромкий писк охранной системы, предупреждающий о грядущей катастрофе для вошедшего, если правильный ответ не будет введен в строго отведенный промежуток времени, и ни миллисекунды позже.

Свои черные кожаные перчатки Лютер сменил на более тонкие латексные, с дополнительным утолщением на кончиках пальцев и ладонях – не в его обычае было оставлять за собой улики, – и, собравшись с духом, открыл дверь. Его тотчас же встретил резкий писк охранной системы. Уитни быстро пересек просторную прихожую и остановился перед панелью сигнализации.

Бесшумно закрутился электрический шуруповерт: шесть маленьких кусочков стали упали Лютеру в руку и были тотчас же отправлены в пакетик у него на поясе. Тонкие проводники, закрепленные на «Разуме», блеснули в серебристом лунном свете, проникающем в окно рядом с дверью, и вот уже Лютер, быстро разобравшись, что к чему, подобно хирургу, проникшему в грудную полость пациента, отыскал нужную точку, подсоединил провода и включил питание своего друга.

Из противоположного угла прихожей на него уже пристально уставился алый глаз. Датчик инфракрасного излучения обнаружил исходящее от Лютера тепло. Шли секунды, а датчик терпеливо ждал, когда электронный «мозг» охранной системы определит, кто вошел в дом: свой или чужой.

Неоновым сиянием на цифровом дисплее «Разума» мелькали цифры, так быстро, что глаз не успевал следить за ними; обратный отсчет отведенного времени велся в маленьком окошке в правом верхнем углу экрана.

Прошло пять секунд, и тут на крошечном стеклянном лице «Разума» появились числа 5, 13, 9, 3 и 11 и застыли в такой последовательности.

Тотчас же писк оборвался, сигнализируя об отключении охранной системы, сердитый красный огонек погас, сменившись дружелюбным зеленым, и Лютер приступил к делу. Отсоединив провода, он прикрутил крышку на место, убрал свое оборудование и тщательно запер входную дверь.

Спальня хозяев находилась на третьем этаже; туда можно было подняться на лифте из конца коридора справа, однако Уитни предпочел воспользоваться лестницей. Чем меньше зависеть от того, над чем у него нет полного контроля, тем лучше. В его стратегические замыслы не входило застрять на неделю в лифте.

Лютер поднял взгляд на погрузившийся в сон датчик в углу под потолком, улыбающийся ему своим прямоугольным лицом, после чего направился к лестнице.

Дверь в спальню оказалась не заперта. В считанные мгновения Уитни установил свою портативную лампу, дающую слабый свет без бликов, и без лишней спешки осмотрелся вокруг. Темнота нарушалась только зеленым свечением второй панели управления, установленной рядом с дверью в комнату.

Сам дом был построен меньше пяти лет назад; Лютер проверил записи в архиве округа и даже смог получить доступ к копиям поэтажного плана, хранящимся у главного архитектора. Поскольку здание было очень большим, ему требовалось специальное благословение от местных властей, как будто те могли запретить богачам осуществлять свои прихоти.

Никаких неожиданностей поэтажный план не преподнес. Это был большой добротный дом, стоивший те несколько миллионов долларов наличными, которые выложил за него его владелец.

На самом деле Лютер уже один раз побывал здесь, при свете дня, когда повсюду были люди. Он заглянул в эту самую комнату – и увидел то, что ему нужно было увидеть. Вот почему сегодня он снова был здесь.

Лютер опустился на корточки перед гигантской кроватью под балдахином, на котором красовалась шестидюймовая корона. Рядом с кроватью стоял столик. На нем были маленькие серебряные часы, последний писк романтической моды, и антикварный нож для конвертов с толстой кожаной ручкой.

Здесь все было большим и дорогим. Три встроенных шкафа, каждый размером примерно с гостиную в доме Лютера. Два были заполнены женской одеждой и обувью, сумочками и прочим снаряжением, на которое можно рационально или иррационально потратить деньги. Взглянув на фотографии в рамках на ночном столике, Уитни криво усмехнулся, увидев на них «милую женушку» лет двадцати с чем-то рядом с семидесятилетним мужем.

В мире существует множество всевозможных видов лотереи, и далеко не все они проводятся государством.

На некоторых снимках хозяйка дома демонстрировала свои достоинства чуть ли не по максимуму, и Лютер, быстро изучив содержимое гардероба, обнаружил, что в одежде вкус у нее откровенно пошлый.

Он посмотрел на зеркало в рост, изучая затейливую резьбу на раме. Затем обследовал его края. Это была массивная, солидная штукавина, встроенная в стену – по крайней мере, так казалось со стороны, – однако Лютер знал, что в небольших углублениях, расположенных в шести дюймах от верха и низа, тщательно спрятаны петли.

Уитни снова посмотрел на себя в зеркало. У него было определенное преимущество: пару лет назад он уже видел в точности такую же цель, как эта модель в полный рост, хотя тогда и не собирался ее вскрывать. Однако не следует сбрасывать со счетов второе золотое яйцо лишь потому, что уже держишь в руке одно, а это второе золотое яйцо потянуло тысяч на пятьдесят. По прикидкам Лютера, награда, ждавшая его за этим зеркалом, должна была оказаться раз в десять больше.

Запорную систему, встроенную в резную раму зеркала, можно было бы взломать грубой силой, с помощью фомки, однако на это потребуется драгоценное время. К тому же в этом случае останутся очевидные свидетельства того, что в комнате побывал грабитель. И хотя дом должен пустовать еще несколько недель, мало ли что могло случиться. Лютер покинет «Амулет», не оставив никаких следов своего пребывания здесь. Даже по возвращении домой владельцы, возможно, еще какое-то время не станут проверять содержимое сейфа. В любом случае Уитни не было нужды идти трудным путем.

Он быстро подошел к большому телевизору у стены. Комната была обставлена как гостиная, с обитыми гобеленом креслами и большим кофейным столиком. Лютер посмотрел на три пульта дистанционного управления, лежащие на столике. Один от телевизора, второй от видеомангитофона, а третий на девяносто процентов сократит ему сегодня работу. На всех трех имелись логотипы фирм, все внешне выглядели приблизительно одинаково, но быстрый эксперимент показал, что два пульта управляют своими соответствующими устройствами, а третий – нет.

Лютер пересек комнату, направил пульт на зеркало и нажал одинокую красную кнопку внизу. Обыкновенно это должна была бы быть команда видеомангитону начать запись. Но сегодня, в этой комнате, красная кнопка открыла хранилища банка единственному счастливому клиенту.

На глазах у Лютера дверь открылась, плавно и бесшумно, на не требующих обслуживания петлях. По давней привычке он положил пульт туда, где взял, достал из рюкзака холщовый мешок и вошел в хранилище.

Проведя лучом фонарика в темноте, Лютер с удивлением обнаружил посреди помещения обитое тканью кресло, размерами чуть ли не шесть на шесть футов. На подлокотнике лежал еще один пульт дистанционного управления, в точности такой же, как и первый, – судя по

всему, дополнительная мера предосторожности, предназначенная для того, чтобы случайно не запереться внутри. Только потом взгляд Лютера упал на полки вдоль стен.

Сначала в мешок отправились наличные, уложенные аккуратными пачками, затем содержимое изящных коробочек, явно не бижутерия. Лютер насчитал около двухсот тысяч долларов в облигациях на предъявителя и прочих ценных бумагах. В двух маленьких коробках лежали старинные монеты, а еще в одной – марки, в том числе одна с перевернутой вверх ногами пирамидой, увидев которую Уитни сглотнул подступивший к горлу комок. Он лишь мельком взглянул на незаполненные чеки и коробки с юридическими документами, для него совершенно бесполезными. И без того, по беглым прикидкам, у него получилось почти два миллиона, а возможно, и больше.

Лютер еще раз огляделся вокруг, следя за тем, чтобы ничего не пропустить. Стены были толстые – вероятно, огнеупорные, призванные защитить от пожара, насколько это только было в человеческих силах. Герметически помещение не закрывалось: воздух был свежим, не затхлым. Здесь можно провести несколько дней.

* * *

Лимузин быстро мчался по дороге, микроавтобус не отставал от него. Оба водителя прекрасно знали свое дело и без труда обходились без света фар.

В просторном заднем салоне лимузина сидели мужчина и две женщины, одна из которых была пьяна и старалась изо всех сил раздеть прямо здесь мужчину и раздеться самой, не обращая внимания на мягкие оборонительные действия жертвы.

Вторая женщина сидела напротив, поджав губы, упорно стараясь не обращать внимания на нелепый спектакль, включающий в себя пьяное хихиканье и обилие учащенного дыхания, однако в действительности она пристально наблюдала за всеми движениями парочки. Ее внимание было сосредоточено на большой книге, раскрытой у нее на коленях, в которой деловые записи и пометки соперничали между собой за место на страницах и признание сидящего напротив мужчины, а тот, воспользовавшись тем, что его подружка отвлеклась на время, стаскивая с себя туфли на шпильках, снова наполнил свой стакан. Его способность поглощать спиртное была просто поразительной. Он мог выпить вдвое больше того, что уже выпил за этот вечер, без каких-либо внешних признаков, без заплетающейся речи и нарушения двигательных функций, а для любого другого такая доза оказалась бы смертельной.

Помимо воли, женщина восхищалась им – его страстными увлечениями, его первобытной грубостью, глубоко запрятанной благодаря умению преподносить миру образ чистоты и силы, обыденности и в то же время величия. В него были влюблены все американские женщины, влюблены в его классически красивую внешность, бесконечную уверенность в себе, а также в то, что он представлял для всех них. А он отвечал на это всеобщее восхищение страстью, пусть и неуместной, что поражало женщину.

К сожалению, эта страсть никогда не обращалась в ее сторону, несмотря на тонкие намеки и прикосновения, задерживающиеся чуточку дольше положенного; какие только старания она не прилагала, чтобы показаться ему утром, когда она выглядит лучше всего. Пока что эта стратегия не приносила никаких результатов, но до тех пор, пока не пробьет ее час – а он непременно пробьет, повторяла себе женщина, – она будет терпеливо ждать.

Женщина выглянула в окно. Это продолжается слишком долго: ей пришлось отказаться от всего остального. Она недовольно скривила рот.

* * *

Лютер услышал, как к дому подъезжают машины. Метнувшись к окну, он проводил взглядом маленький караван; тот завернул за дом, туда, где его не будет видно со стороны шоссе. Из лимузина вышли четверо, из микроавтобуса – еще один. Лютер лихорадочно сообщал, кто это может быть. Народу слишком мало, чтобы это были возвратившиеся хозяева особняка. И слишком много, если речь идет только о том, чтобы просто провести дом. Лица он различить не мог. У него мелькнула мысль, что по какой-то прихоти судьбы особняку суждено быть ограбленным дважды за одну ночь. Однако это было бы уже слишком невероятным. В данном ремесле, как и во многих других, нужно оценивать шансы. К тому же преступники не идут на дело, разодевшись в наряды, больше подходящие для светского приема.

Лютер лихорадочно сообщал, слушая доносящиеся звуки, предположительно из-за дома. Ему потребовалась всего одна секунда, чтобы понять, что путь к отступлению отрезан, и составить план действий.

Схватив свою сумку, Уитни подбежал к панели сигнализации у входной двери и включил охранную систему дома, мысленно поблагодарив свою память на цифры. Затем юркнул в хранилище, тщательно закрыл за собой дверь и отступил в самый дальний угол крохотного помещения. Теперь оставалось только ждать.

Лютер мысленно проклял свое невезение: все шло так гладко... Затем он тряхнул головой, прогоняя мрачные мысли, и заставил себя дышать глубоко и ровно. Это все равно что летать на самолете. Чем дольше этим занимаешься, тем выше вероятность того, что с тобой случится какая-нибудь неприятность. Оставалось лишь надеяться на то, что у новоприбывших в дом не возникнет необходимости внести депозит в этот личный банк, в котором он сейчас обосновался.

До него донесся взрыв смеха, затем размеренный гул голосов, вместе с громким писком системы сигнализации, похожим на пронзительный рев реактивного самолета, пролетающего над самой головой. Похоже, возникло небольшое замешательство по поводу кода к охранной системе. У Лютера на лбу высыпали бисеринки пота: он явственно представил себе, как срабатывает сигнализация, после чего у полицейских возникает желание проверить на всякий случай каждый дюйм дома, начиная с этого маленького гнездышка, где он сейчас устроился...

У него мелькнула мысль: а как он поступит, когда откроется зеркальная дверь и внутрь хлынет яркий свет, не оставляя никакой надежды укрыться? Незнакомые лица, заглядывающие в хранилище, пистолеты в руках, ему зачитывают его права... Лютер едва не рассмеялся вслух. Попался в западню, словно крыса, мать твою, и бежать некуда. Он не курил уже почти тридцать лет, но сейчас ему отчаянно захотелось затянуться. Бесшумно опустив сумку на пол, Уитни медленно вытянул ноги, чтобы они не затекли.

Загремели тяжелые шаги по дубовым ступеням лестницы. Этих людей, кем бы они ни были, нисколько не волновало, знает ли кто-либо об их присутствии в доме. Лютер насчитал четырех человек, возможно, пятерых. Они повернули налево и направились в его сторону.

С легким скрипом открылась дверь в спальню. Лютер напряг память. Все свои вещи он собрал, а все чужие положил на место. Трогал он только пульт дистанционного управления и точно совместил его со свободным от пыли прямоугольником на столике. Теперь Лютер слышал голоса лишь троих человек – одного мужчины и двух женщин. Одна женщина, похоже, пьяна в хлам, вторая настроена деловито. Затем миз² Деловитая исчезла, дверь закрылась, но

---

² Миз – «госпожа...»; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах; ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней, в том случае, если ее семейное положение неизвестно или она сознательно подчеркивает свое равноправие с мужчинами.

замок никто не запирает, и миз Пьяная осталась наедине с мужчиной. Где остальные? Куда подевалась миз Деловитая? Хихиканье продолжалось. Шаги приблизились к зеркалу. Лютер забился в дальний угол, надеясь на то, что кресло его скроет, но понимая, что это невозможно.

И тут ему прямо в глаза ударила вспышка света. Он едва не вскрикнул, потрясенный тем, насколько внезапно его крошечный мир перешел от крошечного мрака к ослепительному солнцу. Лютер часто заморгал, стараясь приспособиться к новому уровню освещенности; его максимально расширенные зрачки за считанные секунды сжались в точки. Однако не было никаких криков, никаких лиц, никакого оружия.

Наконец, после того как прошла целая минута, Уитни осторожно выглянул из-за кресла – и тут его ждал еще один шок. Дверь хранилища словно исчезла; он увидел перед собой эту чертову спальню. Лютер едва не отпрянул назад, но вовремя взял себя в руки. Внезапно он понял, для чего предназначалось кресло.

Уитни узнал обоих, кто находился в комнате. Женщину он уже видел сегодня, на фотографиях: это была любимая женушка, предпочитающая наряжаться как шлюха.

Мужчину Лютер узнал по совершенно другой причине; определенно, это был не хозяин дома. Потрясенный, Уитни покачал головой и медленно выдохнул. У него тряслись руки, его захлестнула волна тошноты. Поборов ее, он устоял на то, что происходило в спальне.

Дверь в хранилище служила также двухсторонним зеркалом. Поскольку снаружи горел яркий свет, а в маленьком помещении царил мрак, Лютер словно видел перед собой огромный телевизионный экран.

Затем он увидел это – и судорожно вздохнул. Бриллиантовое ожерелье на шее у женщины. Двести тысяч, на его наметанный взгляд, а быть может, и больше. Та самая безделушка, которую убирают в домашний сейф перед тем, как лечь спать. Но тут легкие Лютера снова свободно расправились – он увидел, как женщина сняла ожерелье и небрежно уронила его на пол.

Его страх отступил настолько, что он поднялся на ноги, осторожно приблизился к креслу и медленно опустился в него. Вот так же здесь сидел старик, наблюдая за тем, как его женушка развлекается с великим множеством мужчин. Судя по ее внешности, Уитни предположил, что в этом множестве были и молодые парни, прозябающие на мизерном жалованье или имеющие нелады с законом. Однако сегодняшний гость-джентльмен принадлежал к совершенно иному классу.

Лютер огляделся вокруг, прислушиваясь к звукам остальных обитателей дома. Но что на самом деле он мог? За тридцать с лишним лет активного занятия преступным ремеслом Уитни еще никогда не встречал ничего подобного, поэтому сейчас решил заняться тем единственным, что было в его силах. Пусть от полной катастрофы его отделял лишь дюйм стекла, Лютер уютно устроился в мягком кожаном кресле и стал ждать.

Глава 2

В трех кварталах от белой громады Капитолия Джек Грэм отпер входную дверь своей квартиры, бросил пальто на пол и направился напрямик к холодильнику. С банкой пива в руке плюхнулся на протертый диван в гостиной. Отпив глоток, быстро окинул взглядом крошечную комнату. Какое разительное отличие от того места, где он только что побывал... Подержав пиво во рту, Джек проглотил его. Мышцы его квадратного подбородка напряглись, затем расслабились. Ноющие мурашки сомнения медленно утихли, но они обязательно вернуться: они всегда возвращаются.

Еще один важный званый ужин с Дженнифер, которая в самое ближайшее время должна стать его женой, и ее родными и кругом светских и деловых знакомых. Судя по всему, у таких утонченных людей не бывает просто друзей, с которыми приятно провести время. Каждый человек служит определенной функции, и общий результат больше суммы отдельных слагаемых. По крайней мере, так полагалось в теории, хотя у Джека имелось на этот счет свое мнение.

Были широко представлены финансы и промышленность: громкие имена, встречавшиеся Джеку в «Уолл-стрит джорнал», прежде чем он переходил к спортивному разделу, чтобы узнать, как дела у его любимых бейсбольных и футбольных команд. Политиканы трудились в полную силу, сражаясь за будущие голоса и нынешние доллары. Для полноты картины присутствовали также вездесущие юристы, к числу которых принадлежал Джек, один-два врача, чтобы показать связь со старыми традициями, и парочка общественных деятелей, для демонстрации того, что сильные мира сего относятся с сочувствием к нуждам простого народа.

Допив пиво, Джек включил телевизор. Ботинки слетели на пол, а сорокадолларовые носки, подаренные невестой, небрежно повисли на абажуре. Если дать Дженнифер волю, она заставит его носить подтяжки за две сотни долларов и расписанные вручную галстуки. Проклятье! Джек растер пальцы на ногах, всерьез подумывая о второй банке пива. Телевизор попытался удержать его внимание, но тщетно. Смахнув с глаз густые черные волосы, Джек в тысячный раз сосредоточился на том, куда мчалась его жизнь, стремительно, словно космическая ракета.

Лимузин, принадлежащий компании Дженнифер, отвез их в особняк на северо-западной окраине Вашингтона, куда Джеку, скорее всего, придется перебраться после женитьбы: Дженнифер терпеть не могла его жилище. До свадьбы оставалось всего полгода, совсем ничего по меркам невесты, а Джек сидел у себя дома и размышлял, правильно ли он поступает.

Дженнифер Райс Болдуин обладала такой сногшибательной красотой, что женщины смотрели на нее ничуть не реже мужчин. Вдобавок она была умна, получила блестящее образование, происходила из очень богатой семьи и была решительно настроена на то, чтобы выйти замуж за Джека. Ее отец возглавлял одну из крупнейших в стране строительных компаний. Торговые центры, офисные здания, радиостанции – он принимал участие во всем, и получалось это у него лучше, чем у кого бы то ни было. Прадедушка Дженнифер по отцовской линии принадлежал к числу промышленных магнатов Среднего Запада, а семье ее матери в свое время принадлежал солидный кусок земли в центре Бостона. Боги с раннего детства часто улыбались Дженнифер Болдуин. Среди знакомых Джека не было ни одного, кто не завидовал бы ему черной завистью.

Грэм поерзал в кресле, стараясь размять затекшее плечо. Он уже целую неделю не занимался спортом. Ростом шесть футов один дюйм³, Джек даже в свои тридцать два года сохранял то отточенное до совершенства тело, которым обладал в старших классах школы, где он был мужчиной среди подростков практически во всех видах спорта, и в колледже, где, несмотря на

---

³ Примерно 185 см.

гораздо более жесткую конкуренцию, входил в сборную по борьбе и даже выступал в студенческой лиге. Это сочетание привело его на юридический факультет университета штата Вирджиния, который Джек окончил одним из лучших на курсе, после чего быстро устроился работать государственным защитником⁴ в уголовный суд федерального округа Колумбия.

Все до одного его однокурсники предпочли пойти юристами в крупные фирмы. Они регулярно снабжали Джека телефонами знакомых психиатров, которые помогли бы ему исцелиться от безумия. Усмехнувшись, Грэм сходил на кухню и взял вторую банку пива. В холодильнике не осталось больше ничего.

Первый год работы государственным защитником выдался очень трудным: Джек постигал, что к чему, теряя больше, чем получал. Время шло, и он переключился на более серьезные преступления. А поскольку в каждое свое дело Грэм вкладывал до последней унции всю свою молодую энергию, весь свой талант и здравый смысл, вскоре ситуация стала меняться.

И он начал серьезно проявлять себя в суде.

Джек обнаружил, что эта роль является для него естественной: он проводил перекрестные допросы так же мастерски, как в свое время бросал на толстый мат противника второе крупнее себя. Его уважали, даже любили, насколько только можно любить юриста.

Затем Джек в силу своих служебных обязанностей познакомился с Дженнифер. Она занимала в «Болдуин энтерпрайзес» должность вице-президента, отвечающего за развитие и рыночные связи. Динамичная натура, Дженнифер в дополнение к этому умела заставить любого своего собеседника почувствовать себя значимой фигурой; она внимательно выслушивала чужое мнение, хотя и необязательно следовала ему. Поэтому в жизни ей не приходилось полагаться исключительно на собственную красоту.

Проникнув дальше сногшибательной внешности, в Дженнифер можно было найти много чего еще. По крайней мере, так казалось. Джек не был бы мужчиной, если б не нашел Дженнифер привлекательной. А та с самого начала ясно дала понять, что это чувство взаимно. Вроде бы первоначально потрясенная тем самозабвением, с каким он защищал права обвиняемых, Дженнифер потихоньку убедила его в том, что он выполнил свой долг перед бедными, глупыми и обездоленными, и теперь пора бы подумать о себе и о будущем, и она, возможно, захочет стать частью этого будущего. Когда Джек наконец ушел из адвокатуры, в прокуратуре округа ему устроили на прощание пышный банкет, втайне радуясь избавлению от такого принципиального коллеги. Это должно было бы открыть ему глаза на то, что в Вашингтоне еще очень много бедных, глупых и обездоленных, нуждающихся в его помощи. Джек не ждал, что когда-либо еще ощутит тот восторг, который он познал, работая государственным защитником: он рассуждал, что такая пора выпадает только раз в жизни, и для него она уже завершилась. Настало время двигаться дальше; даже такие мальчишки, как Джек Грэм, когда-нибудь должны вырасти. Быть может, просто пришел его час.

Выключив телевизор, Джек схватил пакет кукурузных чипсов и отправился в спальню, перешагивая через груды грязного белья, наваленные перед дверью. Он не мог винить Дженнифер в том, что ей не нравится его дом: он был страшно неряшлив. Но его беспокоила уверенность в том, что Дженнифер не согласилась бы жить здесь, даже если б тут было безукоризненно чисто. Начнем с того, что это не тот район: да, конечно, Капитолийский холм, но не благородная его часть, даже близко не благородная.

Далее: размеры. Особняк, в котором жила сама Дженнифер, имел общую площадь не меньше пяти тысяч квадратных футов, не считая комнаты для прислуги и гаража на две машины, где стояли «Ягуар» и новенький «Рейнджровер», как будто кому-то, живущему

---

⁴ Государственный защитник в обязательном порядке назначается судом в случае, если у подсудимого нет возможности воспользоваться услугами частного адвоката.

в Вашингтоне с его закупоренными вечными пробками улицами, могла понадобиться машина, способная въехать по отвесному склону на гору высотой двадцать тысяч футов.

В квартире Джека было четыре комнаты, если считать ванную. Добравшись до спальни, он скинул с себя одежду и плюхнулся на кровать. В дальнем углу комнаты на маленькой табличке, висевшей у него в кабинете на работе до тех пор, пока ему не стало стыдно на нее смотреть, было закреплено сообщение о том, что он принят в фирму «Паттон, Шоу и Лорд». «П., Ш. и Л.» считалась в Вашингтоне ведущей юридической фирмой. Поставщики юридических услуг крупнейшим компаниям страны, в том числе компании будущего тестя Джека, что означало многомиллионные счета, благодаря ему доверенные фирме, а это, в свою очередь, гарантировало Джеку полноценное партнерство на следующем собрании. Партнерство в «Паттон, Шоу и Лорд» в среднем стоило не меньше полумиллиона долларов в год. Для Болдуинов это деньги на карманные расходы, но он не принадлежал к семье Болдуинов. По крайней мере, пока не принадлежал.

Джек натянул на себя одеяло. Теплоизоляция дома оставляла желать лучшего. Проглотив пару таблеток аспирина, он запил их остатками «Кока-колы», стоявшей на столике, после чего обвел взглядом тесную захламленную спальню. Она напомнила ему комнату, в которой он вырос. Воспоминание это было теплым, дружеским. Дома должны выглядеть обжитыми; в них должны звучать крики детей, бегающих из одной комнаты в другую в поисках новых приключений, в поисках того, что бы еще разбить и сломать.

И в этом заключалась еще одна проблема: Дженнифер ясно дала понять, что топот маленьких ножек для нее – это очень отдаленная перспектива, к тому же весьма неопределенная. Карьера в отцовской компании занимала первое и главное место у нее в голове и в сердце – быть может, порой казалось Джеку, даже более важное, чем он сам...

Перевернувшись на другой бок, он попытался закрыть глаза. Налетевший порыв ветра ударил в окно, и Грэм бросил взгляд в ту сторону. Он отвернулся, но затем с обреченным видом снова посмотрел на коробку.

В ней лежали его старые трофеи и награды, завоеванные в школе и колледже. Однако сейчас внимание его было приковано не к ним. Джек протянул было в полумраке длинную руку к фотографии в рамке, затем решил этого не делать, потом снова передумал.

Он достал фотографию. Это превратилось чуть ли не в ритуал. Ему можно было не беспокоиться о том, что его невеста когда-либо наткнется на этот принадлежащий ему предмет, потому что она категорически отказывалась задерживаться у него в спальне дольше минуты. Они с Дженнифер забирались в кровать или у нее дома – где Джек лежал на ложе, уставившись на двадцатифутовый потолок с фресками, изображающими рыцарей на конях и прекрасных дам, пока Дженнифер развлекалась верхом на нем до тех пор, пока не падала в изнеможении, после чего перекачивалась на спину, предоставляя ему возможность кончить, забравшись на нее, – или в доме ее родителей за городом, где потолки поднимались еще выше, а фрески были взяты из какой-то римской церкви XIII века, отчего Джеку казалось, что Бог неодобрительно взирает сверху на то, как его, Джека, оседлала прекрасная и совершенно голая Дженнифер Райс Болдуин, и он будет вечно гореть в аду за эти краткие мгновения плотского наслаждения.

У женщины на фотографии были шелковистые каштановые волосы, слегка выющиеся на концах. Она улыбаясь смотрела на Джека, и тот вспомнил день, когда сделал этот снимок.

Поездка на велосипеде по отдаленным сельским районам округа Албермарл. Он только что поступил на юридический факультет; она училась на втором курсе университета имени Джефферсона. У них это было лишь третье свидание, однако им казалось, что они жили вместе всю свою жизнь.

Кейт Уитни.

Джек медленно произнес вслух это имя; его рука непроизвольно повторила изгибы ее улыбки, задержавшись на ямочке на левой щеке, придававшей лицу слегка кособокий вид.

Миндалевидные скулы обрамляли изящный нос над чувственными губами. Острый подбородок прямо-таки кричал об упрямстве его обладательницы. Джек скользнул взглядом дальше по лицу и остановился на больших миндалевидных глазах, всегда искрящихся веселой проказой.

Перевернувшись на спину, Грэм поставил фотографию себе на грудь, чтобы женщина смотрела прямо на него. Он не мог не думать о Кейт, мысленно не представляя себе ее отца, его хитрую, проницательную усмешку.

Джек частенько бывал в гостях у Лютера Уитни, в маленьком неказистом доме в предместье Арлингтона, выдавшем лучшие времена. Они часами пили пиво и говорили; по большей части Лютер рассказывал, а Джек слушал.

Кейт никогда не навещала своего отца, а тот не предпринимал никаких попыток с ней связаться. Джек лишь по чистой случайности узнал, кто он такой, и, несмотря на возражения Кейт, постарался поближе познакомиться с этим человеком. На лице у Кейт редко можно было увидеть что-либо, кроме улыбки, однако, говоря об отце, она никогда не улыбалась.

После того как Джек окончил университет, они с Кейт перебрались в Вашингтон, и она поступила на юридический факультет Джорджтаунского университета. Жизнь казалась полной идиллией. Кейт приходила на первые процессы Джека, когда ему приходилось бороться с дрозью в ногах и сдавленным горлом, при этом судорожно вспоминая, за каким столом полагается сидеть защитнику. Но по мере того как преступления, в которых обвинялись его клиенты, становились все более серьезными, энтузиазм Кейт угасал.

Они расстались на втором году его юридической практики.

Причины были просты: Кейт никак не могла понять, почему Джек избрал своим ремеслом защиту тех, кто преступил закон, и не желала смириться с тем, что ему нравится ее отец.

Джек прекрасно помнил последний вздох их совместной жизни: они с Кейт сидели в этой самой комнате, и он просил, умолял ее не уходить. Но она ушла, и это случилось четыре года назад. С тех пор он больше не видел ее.

Джек знал, что Кейт устроилась на работу в прокуратуру Александрии, штат Вирджиния, где, вне всякого сомнения, занималась тем, что отправляла за решетку его бывших клиентов за то, что те нарушили законы штата, ставшего для нее новой родиной. В остальном Кейт Уитни стала для него совершенно чужим человеком.

Но, лежа сейчас на кровати и глядя на ее улыбку, говорящую ему миллион вещей, которые он так и не узнал от женщины, на ком ему предстояло жениться через полгода, Джек гадал, всегда ли Кейт будет оставаться для него чужим человеком; быть может, его жизни суждено стать гораздо более сложной, чем он когда-либо предполагал...

Схватив телефон, Грэм набрал номер. Четыре гудка – и он услышал тот самый голос. В нем прозвучали нотки, которые Джек уже успел подзабыть; а может быть, они были новыми. Прозвучал сигнал, и он начал диктовать сообщение, что-то веселое, чистой воды экспромт, но затем вдруг смутился и поспешно положил трубку, чувствуя, как у него задрожали руки и участилось дыхание. Джек тряхнул головой. Господи Иисусе! Он участвовал в пяти процессах над убийцами, а сейчас трясся от страха, черт возьми, словно шестнадцатилетний юнец, собирающийся с духом, чтобы впервые в жизни пригласить девушку на свидание!

Отложив фотографию, Джек попытался представить себе, чем в эту самую минуту занимается Кейт. Вероятно, все еще сидит у себя в кабинете, размышляя над тем, сколько лет жизни отобрать у какого-нибудь бедолаги...

Затем Грэм подумал о Лютере. Где он сейчас – за чужой дверью, куда его никто не приглашал? Или уже уходит с очередным мешком финансовых радостей за спиной?

Та еще семейка – Лютер и Кейт Уитни. Такие разные и в то же время такие схожие. Двух столь целеустремленных людей Джек больше не встречал, однако устремления отца и дочери находились в разных галактиках. В тот последний вечер, после того как Кейт ушла из его

жизни, Джек отправился к Лютеру, чтобы попрощаться с ним и в последний раз выпить пива. Они сидели в маленьком ухоженном садике и смотрели на ломонос и плющ, облепившие забор; запах лилий и роз лежал над ними плотным покрывалом.

Старик воспринял известие спокойно, задал несколько вопросов и пожелал Джеку счастья. Какие-то вещи просто не получаются; Лютер понимал это, как никто другой. Но, уходя от старика, Джек заметил у него в глазах влажный блеск, – и затем за этой частью его жизни закрылась дверь.

Наконец Грэм погасил свет и закрыл глаза, сознавая, что приближается новый завтрашний день. Его горшок с золотом, сказочный выигрыш, выпадающий раз в жизни, стал еще на один день ближе к реальности. Однако это не сделало его сон спокойным.

Глава 3

Наблюдая за тем, что происходило за двухсторонним зеркалом, Лютер вдруг поймал себя на мысли, что перед ним очень привлекательная пара. В данных обстоятельствах подобное заключение было абсурдным, однако от этого оно не становилось менее справедливым. Мужчина был лет сорока с небольшим, высокий, красивый, представительный. Женщина лишь совсем недавно перешагнула двадцатилетний рубеж; у нее были пышные золотистые волосы, очаровательное овальное лицо, огромные голубые глаза, в настоящий момент с любовью взиравшие на элегантную внешность мужчины. Он прикоснулся к ее гладкой щеке; она прижалась губами к его руке.

Держа два стакана, мужчина наполнил их из бутылки, которую принес с собой. Один он протянул женщине. Под звон стекла их взгляды прочно застыли друг на друге; мужчина осушил свой стакан залпом, в то время как женщина смогла отпить лишь маленький глоток. Поставив стаканы, они обнялись прямо посреди комнаты. Руки мужчины скользнули вниз по спине женщины, затем поднялись к ее обнаженным плечам. Руки и плечи у нее были загорелые, ухоженные. С чувством прижав женщину к себе, мужчина наклонился, чтобы поцеловать ее в шею.

Лютер отвел взгляд, смущенный этим глубоко личным зрелищем. Очень странное чувство для человека, над которым все еще висела угроза быть схваченным. Однако Уитни был еще не настолько стар, чтобы не оценить по достоинству нежную страсть, неспешно разворачивающуюся перед ним.

Снова подняв взгляд, он не сдержал улыбки. Теперь пара медленно кружила по комнате в танце. Мужчина, очевидно, порядком поднатерел в этом занятии, чего нельзя было сказать про его партнершу; но он мягко провел ее через ряд простых движений, и они снова оказались рядом с кроватью.

Остановившись, мужчина снова наполнил свой стакан и быстро осушил его. Бутылка опустела. Его руки снова обвили женщину, и та прильнула к нему, затем стянула с него пиджак и начала развязывать галстук. Руки мужчины нашли молнию ее платья и неторопливо направились вниз. Черное платье соскользнуло на пол, и женщина изящно шагнула из него, открывая черные трусики и чулки до бедра; но лифчика на ней не было.

У нее было такое тело, какое у тех женщин, у кого его нет, мгновенно вызывает ревность. Каждый изгиб находился именно там, где и должен был находиться. Талию ее Лютер смог бы запросто обхватить кольцом из пальцев двух рук. Женщина повернулась боком, снимая чулки, и он отметил, что груди у нее большие, округлые и полные. Ноги стройные и точеные – вероятно, вследствие ежедневных многочасовых занятий под бдительным оком личного тренера.

Мужчина быстро разделся до трусов и присел на край кровати, наблюдая за тем, как женщина не спеша стягивает с себя нижнее белье. Ее круглые упругие ягодицы показались молочно-белыми на фоне безукоризненного загара. Когда женщина полностью избавилась от одежды, лицо мужчины растянулось в улыбке. Сверкнули белоснежные, ровные и прямые зубы. Несмотря на выпитый алкоголь, глаза оставались ясными и внимательными.

Поймав на себе взгляд мужчины, женщина улыбнулась и медленно приблизилась к нему. Как только она оказалась в пределах его досягаемости, его длинные руки схватили ее, привлекая к нему. Женщина потерлась вверх и вниз о его грудь.

И снова Лютер начал отводить взгляд, больше всего мечтая о том, чтобы это зрелище поскорее закончилось и парочка покинула дом. Ему потребуется всего несколько минут на то, чтобы вернуться к своей машине, и эта ночь сохранится у него в памяти как неповторимое, пусть и потенциально опасное приключение.

Но тут он увидел, как мужчина крепко стиснул женщине ягодицы, после чего принялся хлестать по ним, снова и снова. Лютер поморщился, переживая за чужую боль; белая кровь теперь горела алым огнем. Но либо женщина была слишком пьяна и не чувствовала боль, либо ей доставляло наслаждение подобное обращение, поскольку улыбка у нее на лице не гасла. Увидев, как мужчина вонзил пальцы в нежную плоть, Лютер почувствовал, как у него внутри все сжалось в комок.

Рот мужчины заплясал у женщины на груди; та провела пальцами сквозь его густые волосы, устраивая свое тело у него между ног. Затем закрыла глаза, собирая губы в удовлетворенную улыбку, после чего запрокинула голову назад. Затем снова открыла глаза и набросилась ртом на губы мужчины.

Его пальцы поднялись вверх с ее подвергшихся насилию ягодиц и принялись нежно растирать ей спину. Затем он с силой вонзил их ей в тело, и женщина, вздрогнув, оторвалась от него. Она слабо улыбнулась, и мужчина, отпустив ее, прикоснулся пальцами к ее пальцам. Переключив свое внимание на ее грудь, он стал жадно сосать сосок. Глаза женщины снова закрылись, и ее дыхание заметно превратилось в тихий стон. Мужчина снова вернулся к ее шее. Его широко раскрытые глаза смотрели прямо туда, где сидел Лютер, не подозревая о его присутствии.

Уитни смотрел на мужчину, на эти глаза, и ему не нравилось то, что он видел. Лужицы мрака, окруженные красным, словно неведомая зловещая планета в телескопе. У него вдруг мелькнула мысль, что обнаженная женщина находится сейчас в объятиях чего-то совсем не такого нежного и любящего, как ей, вероятно, кажется.

Наконец женщина потеряла терпение и отпихнула своего возлюбленного на кровать. Ее ноги оседлали его, открыв Лютеру сзади то, что она должна была бы показывать только своему гинекологу. Женщина оседлала было мужчину, но тот вдруг в резком порыве грубо сбросил ее с себя и взобрался на нее, хватая ее ноги и задирая их вверх так, что они оказались перпендикулярны кровати.

Увидев следующее движение мужчины, Лютер застыл в кресле. Схватив женщину за шею, мужчина рывком поднял ее, засовывая ее голову себе между ног. От неожиданности женщина ахнула, лицом в каком-то дюйме от его промежности. Рассмеявшись, мужчина отшвырнул ее обратно. На мгновение оглушенная, женщина наконец слабо улыбнулась и приподнялась на локтях, а мужчина навис над ней. Одной рукой схватив свой затвердевший в эрекции член, другой он широко раздвинул женщине ноги. Та лежала смирно, готовая принять его, а он уставился на нее диким взглядом.

Но вместо того чтобы проникнуть ей между ног, мужчина схватил ее за груди и стиснул их – по-видимому, чересчур сильно, потому что Лютер наконец услышал, как женщина вскрикнула от боли и отвесила мужчине пощечину. Тот отпустил ее и, в свою очередь, дал ей затрещину, со всей силы, и Лютер увидел, как у нее в уголке рта выступила кровь, пролившаяся на полные напомаженные губы.

– Ах ты, ублюдок!

Скатившись с кровати, женщина уселась на полу, вытирая рот. От привкуса крови ее затуманенный алкоголем мозг мгновенно прояснился. Первые отчетливо произнесенные слова, услышанные Лютером за весь вечер, оглушили его увесистой кувалдой. Поднявшись с кресла, он приблизился к стеклу.

Мужчина усмехнулся. Увидев выражение его лица, Уитни застыл. Это был скорее оскал дикого зверя, готового прикончить свою жертву.

– Долбаный ублюдок, – повторила женщина, чуть тише, заплетающимся языком.

Она встала, но мужчина схватил ее за руку, выкрутил ее, и женщина упала на пол. Сев на кровать, он торжествующе посмотрел на нее.

Учащенно дыша, Лютер стоял перед стеклом, сжимая и разжимая кулаки, и продолжал наблюдать за происходящим, надеясь на то, что вот-вот вернутся остальные. Оглянувшись на пульт дистанционного управления, он снова уставился в стекло.

Женщина приподнялась на полу, медленно приходя в себя. От всех ее романтических чувств не осталось и следа. Лютер читал это по ее движениям, осторожным, расчетливым. Похоже, ее спутник не заметил перемены в ее движениях и гнева, вспыхнувшего в голубых глазах, иначе он не встал бы, протягивая ей руку. Женщина взяла ее.

Усмешка мужчины мгновенно исчезла, когда колено женщины аккуратно вонзилось ему прямо между ног, согнув его пополам и положив конец сексуальному возбуждению. Ни звука не сорвалось с его губ, помимо учащенного дыхания; он повалился на пол, а женщина схватила свои трусики и принялась их натягивать.

Поймав за щиколотку, мужчина опрокинул ее на пол. Трусики застряли где-то на уровне коленей.

– Ах ты, маленькая тварь!

Слова вырвались судорожными порывами; мужчина все еще не мог отдышаться. Не выпуская щиколотки, он потянул женщину к себе.

Та принялась лягаться, снова и снова. Ее нога с глухим стуком ударила мужчину в грудную клетку, но тот не ослабил хватку.

– Ах ты, долбаная шлюха! – пробормотал он.

Услышав прозвучавшую в его голосе угрозу, Лютер шагнул к стеклу, вскидывая руку к его гладкой поверхности, словно собираясь проникнуть сквозь нее, схватить мужчину, заставить его отступить.

Преодолевая боль, тот с трудом поднялся на ноги, и от выражения его лица у Лютера застыла кровь в жилах.

Руки мужчины стиснули женщине горло.

Ее сознание, одурманенное спиртным, снова включилось на полную передачу. Ее взгляд, теперь наполненный безотчетным ужасом, метнулся влево и вправо. Давление на шею нарастало, дышать становилось все труднее. Ее пальцы вонзились мужчине в руки, оставляя глубокие царапины.

Лютер увидел на коже у мужчины кровь, однако хватка его не ослабевала.

Женщина брыкалась и вырывалась, но ее противник, почти вдвое тяжелее, был неумолим.

Уитни снова оглянулся на пульт дистанционного управления. Он мог открыть потайную дверь и положить этому конец. Однако ноги его отказывались шевелиться. Лютер беспомощно смотрел в двухстороннее зеркало. По лбу у него струился пот; казалось, откупорились все поры его тела. Грудь его вздымалась, дыхание вырывалось краткими залпами. Он прижал обе ладони к стеклу.

Уитни перестал дышать, увидев, как взгляд женщины на мгновение застыл на ночном столике. Затем судорожным движением она схватила ножик для вскрытия конвертов и молниеносным движением полоснула мужчину по руке.

Закряхтев от боли, тот отпустил женщину и схватился за свою окровавленную руку. Какое-то жуткое мгновение он таращился на свою рану, словно не в силах поверить, что с ним произошло. Что его порезала эта женщина.

Когда мужчина снова поднял взгляд, Лютер буквально почувствовал злобное рычание, сорвавшееся у него с уст.

После чего он ударил женщину – Уитни еще никогда не приходилось видеть, чтобы какой-либо мужчина с такой силой бил женщину. Могучий кулак обрушился на нежную плоть, и из носа и рта женщины хлынула кровь.

Лютер не мог сказать, было дело в обилии поглощенной женщиной выпивки или в чем-то другом, но удар, который любого другого на ее месте изувечил бы, лишь только распалил ее. В конвульсивном порыве она поднялась на ноги и повернулась к зеркалу. Лютер увидел у нее в глазах ужас, порожденный зрелищем своей уничтоженной красоты. Широко раскрыв от изумления глаза, женщина потрогала свой распухший нос; пальцы опустились вниз и прикоснулись к шатающемуся зубу. Она превратилась в окровавленное месиво, лишившись своего главного достоинства.

Женщина снова повернулась лицом к мужчине, и Лютер увидел, как мышцы у нее напряглись так, что стали похожи на маленькие куски дерева. С молниеносной быстротой она снова вонзила ногу мужчине в промежность. Тот мгновенно обмяк, охваченный приступом тошноты. Беспольные конечности не смогли удержать вес его тела; мужчина рухнул на пол и со стоном перекатился на спину.

Обливаясь кровью, женщина опустилась на корточки рядом с ним и вскинула высоко над головой нож. Панический ужас на ее лице сменился жадой убийства.

Схватив пульт дистанционного управления, Лютер шагнул к двери. Его палец застыл над кнопкой.

Увидев нож, устремившийся к его груди, мужчина понял, что его жизни вот-вот наступит конец, и закричал, вкладывая в этот крик все остатки сил. И его призыв не остался неслышанным.

Застыв на месте, Уитни перевел взгляд на распахнувшуюся настежь дверь в спальню.

В комнату ворвались двое мужчин, коротко подстриженных, в новеньких костюмах, не скрывающих внушительную мускулатуру, с пистолетами в руках. Не успел Лютер сделать и шага, как мужчины оценили ситуацию и приняли решение.

Оба пистолета выстрелили практически одновременно.

* * *

Кейт Уитни сидела у себя в кабинете, в который раз просматривая дело.

Этот тип уже четырежды отмотал срок в тюрьме; еще шесть раз его арестовывали, но дело не доходило до суда, потому что или свидетели трусили и отказывались давать показания, или их находили в мусорных баках. Это была самая настоящая ходячая бомба с часовым механизмом, готовая взорваться на следующей жертве, – и все они были женщинами.

В настоящий момент он обвинялся в убийстве, совершенном в ходе разбойного нападения и изнасилования, что по законам штата Вирджиния подходило под высшую меру. И на этот раз Кейт решила идти до конца: смертный приговор. Она еще никогда не просила высшей меры, но если кто-либо и заслуживал такого наказания, то этот тип, и присяжные не будут слишком щепетильными. С какой стати оставлять жизнь этому человеку, который с особой жестокостью отнял жизнь у девятнадцатилетней студентки колледжа, чьей единственной ошибкой было отправиться среди бела дня в торговый центр за колготками и новыми туфлями?

Кейт потеряла глаза и, взяв со стола резинку, забрала волосы в хвостик. Затем обвела взглядом свой маленький, просто обставленный кабинет; повсюду громоздились папки с делами, и Кейт в миллионный раз задумалась, будет ли этому когда-либо конец. Разумеется, не будет. Разве что все станет только еще хуже, и ей остается лишь делать все, что в ее силах, чтобы хоть как-то сдержать поток крови. И начнет она с казни Роджера Симмонса-младшего, двадцати двух лет, такого закоренелого преступника, каких она еще не встречала, а за свою пока еще недолгую карьеру Кейт уже повидала их целые полчища. Она вспомнила, как Симмонс в тот день посмотрел на нее в суде. На лице у него не было ни капли раскаяния, стыда или какого-либо другого чувства. Это лицо также было лишено надежды – это наблюдение подкреплялось историей прошлого Симмонса, которая читалась как книга ужасов, описыва-

ющая детство. Но эта проблема уже не касалась Кейт. Похоже, единственная, которая ее не касалась...

Покачив головой, она взглянула на часы – уже далеко за полночь – и отправилась за новым стаканчиком кофе; сосредоточиться на работе становилось все труднее и труднее. Последний сотрудник покинул здание прокуратуры пять часов назад. Три часа назад ушла бригада уборщиц. Кейт прошла по коридору на кухню без туфель, в одних чулках. Если б Чарли Мэнсон⁵ сейчас вышел из тюрьмы и снова принялся за старое, для Кейт его дело стало бы пустяковым: дилетант по сравнению с кровожадными чудовищами, разгуливающими на свободе в наши дни.

Держа в руке стаканчик кофе, Кейт вернулась к себе в кабинет и постояла, глядя на свое отражение в окне. В ее ремесле внешность не имела особого значения; черт возьми, у нее уже больше года не было мужчины. Но Кейт не могла оторвать от себя взгляд. Высокая и стройная, возможно, местами чересчур худая, но привычка пробегать каждый день по четыре мили никуда не делась, в то время как количество поглощаемых калорий неуклонно сокращалось. В основном Кейт держалась на плохом кофе и крекерах, ограничила себя всего до двух сигарет в день и надеялась, если все будет хорошо, вообще бросить курить.

Ей было стыдно за то, какому насилию она подвергала свое тело бесконечной работой и стрессом постоянных переходов от одного жуткого дела к другому; но что еще ей оставалось? Уйти, потому что она не выглядит как фотомodelь с обложки глянцевого журнала? Кейт утешала себя тем, что фотомodelь занимается лишь тем, чтобы двадцать четыре часа в сутки работать над собственной внешностью. Ее же работа заключается в том, чтобы тот, кто нарушил закон, кто сделал больно другим, был наказан. Она считала, что по любым критериям ее жизнь была более продуктивной.

Кейт тряхнула своей гривой; ей надо подстричься, но где взять на это время? Лицо по-прежнему практически не несло на себе следов той ноши, которая становилась все более и более непосильной. Ее двадцатидевятилетнее лицо, после четырех лет работы по девятнадцать часов в сутки и бесчисленных судебных процессов, все еще держалось. Кейт вздохнула, сознавая, что долго так продолжаться не будет. В колледже на нее оборачивались, она вызывала у людей учащенное сердцебиение и холодный пот. Но теперь, на пороге тридцатилетия, Кейт вдруг поняла: с тем, что на протяжении стольких лет она принимала как должное, над чем нередко насмехалась, скоро придется расстаться. И, как это бывает со многими вещами, которые человек принимает как должное или отбрасывает как не имеющее значения, Кейт сознавала, что ей будет остро не хватать способности одним своим появлением заставить всех умолкнуть.

То, что за последние несколько лет ее красота практически нисколько не померкла, было странным, поскольку она мало что делала для ее поддержания. Должно быть, все дело в хороших генах; ей просто повезло. Но затем Кейт вспомнила своего отца и решила, что по части генов ни о каком везении ей говорить не приходится. Ее отец – человек, промышляющий воровством и делающий вид, будто ведет нормальный образ жизни. Обманывающий всех, включая своих жену и дочь. Человек, на которого ни в чем нельзя положиться.

Сев за стол, Кейт отпила глоток горячего кофе, добавила сахара и, глядя на мистера Симмонса, принялась размешивать черные глубины своего ночного стимулятора.

Сняв трубку, она позвонила домой, чтобы проверить сообщения на автоответчике. Их было пять – два от других юристов, одно от полицейского, который должен был выступить свидетелем обвинения против мистера Симмонса, и одно от следователя, любившего звонить Кейт в самое неурочное время, по большей части с совершенно бесполезной информацией. Надо будет сменить номер телефона. В последнем же случае звонивший сразу же положил

---

⁵ Чарльз Миллз Мэнсон (1934–2017) – американский преступник, создатель и руководитель секты «Семья», члены которой, по его приказу, в 1969 г. совершили ряд жестоких убийств в Калифорнии.

трубку. Но все-таки Кейт услышала учащенное дыхание, разобрала два-три невнятных слова. Что-то в голосе показалось ей знакомым, но она не смогла определить, что именно. Заняться людям нечем.

Горячий кофе разлился по ее жилам, зрение снова сфокусировалось. Кейт бросила взгляд на маленький книжный шкаф. На нем стояла старая фотография ее покойной матери с десятилетней Кейт. Из снимка был вырезан Лютер Уитни. Зияющая дыра рядом с матерью и дочерью. Пустота, ничто.

* * *

– О господи, твою мать!

Президент Соединенных Штатов уселся на полу, одной рукой прикрывая свое обмякшее изувеченное естество, другой сжимая нож для конвертов, считанные мгновения назад едва не ставший орудием его смерти. Теперь на ноже была уже не только его собственная кровь.

– Господи, Билл, вы ее убили, итить вас налево!

Объект этой гневной тирады нагнулся, помогая президенту, а его напарник тем временем проверил состояние женщины: обследование это было небрежным, поскольку две пули крупного калибра вышибли ей мозги.

– Прошу прощения, сэр, у нас не было времени. Я очень сожалею, сэр, что все так получилось.

Билл Бёртон уже двенадцать лет был агентом Секретной службы, а до того восемь лет прослужил в полиции штата Мэриленд, и выпущенная им пуля только что размозжила голову красивой молодой женщине. Несмотря на всю свою интенсивную подготовку, сейчас он дрожал, словно дошколенок, очнувшийся от кошмарного сна.

Ему уже приходилось убивать по долгу службы: обычная проверка на дороге, выявившая преступника. Но тогда жертвой стал четырежды судимый, имевший большой зуб на служителей закона в форме, и в руке он сжимал «Глок», намереваясь снести Бёртону голову с плеч.

Сейчас же Билл смотрел на маленькое обнаженное тело и чувствовал, что его вот-вот стошнит. Напарник Тим Коллин, увидев его состояние, схватил его за руку. Сглотнув комок в горле, Бёртон кивнул. Он как-нибудь справится.

Вдвоем они помогли подняться на ноги Алану Дж. Ричмонду, президенту Соединенных Штатов, политическому герою и вожаку молодежи и стариков, но в настоящий момент просто голому и пьяному мужчине. Президент посмотрел на них, и первоначальный ужас наконец отступил под действием спиртного.

– Она мертва?

Язык у него слегка заплетался; глаза вращались в глазницах, подобно незакрепленным камешкам.

– Так точно, сэр, – четко ответил Коллин.

Президенту требуется отвечать на любой вопрос, неважно, пьян он или нет.

Бёртон отступил в сторону. Еще раз бросив взгляд на женщину, он повернулся к президенту. Это их работа, его работа. Охранять треклятого президента. Что бы ни произошло, эта жизнь не должна оборваться – по крайней мере, не так. Его не зарежет, словно свинью, какая-то пьяная шлюха.

Президент скривил губы в некоем подобии улыбки, хотя ни Коллин, ни Бёртон не восприняли ее как таковую, и попытался встать.

– Где моя одежда?

– Здесь, сэр.

Встрепенувшись, Бёртон нагнулся, подбирая с полу одежду. Она – как и всё в этой комнате – была обильно запятнана... женщиной.

– Так, поднимите меня, черт возьми, и приведите в порядок. Я должен где-то произнести перед кем-то речь, правильно?

Президент издал пьяный смешок. Бёртон посмотрел на Коллина, Коллин посмотрел на Бёртона. Затем оба посмотрели на президента, а тот у них на глазах рухнул на кровать и отключился.

* * *

Когда прогремели выстрелы, глава президентской администрации Глория Рассел находилась в туалете на первом этаже, так далеко от той комнаты, как только смогла уйти.

Рассел уже не раз сопровождала президента в подобных похождениях, но вместо того чтобы привыкнуть к ним, она каждый раз проникалась все большим отвращением. Подумать только, ее босс, самый могущественный человек на земле, трахается со всякими падкими на знаменитостей шлюхами! Это выходило за рамки понимания Рассел, однако она почти научилась не обращать на это внимания. Почти.

Натянув колготки, Рассел схватила сумочку, распахнула дверь, пронеслась по коридору и, несмотря на высокие каблуки, избежала по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Когда она достигла двери в спальню, ее остановил агент Бёртон.

– Мэм, вам лучше этого не видеть. Зрелище не из приятных.

Рассел отстранила его, но, сделав один шаг, застыла в дверях. Первой ее мыслью было бежать отсюда, вниз по лестнице, сесть в лимузин и убраться отсюда, из этого штата, из этой жалкой страны. Ей не было жалко Кристи Салливан, которой хотелось, чтобы ее трахнул президент и которая упорно шла к этой цели последние два года. Что ж, иногда человек не получает того, чего хочет; а иногда получает гораздо больше...

Взяв себя в руки, Рассел повернулась к агенту Коллину.

– Черт побери, что произошло?

Тим Коллин, молодой крепкий парень, был предан человеку, которого должен был охранять. Он был обучен умереть, защищая президента, и у него в голове не имелось никаких вопросов по поводу того, что если такой момент настанет, он сделает это. Прошло уже несколько лет с тех пор, как Коллин задержал неудавшегося убийцу на стоянке перед торговым центром, куда приехал кандидат в президенты Алан Ричмонд. Коллин уложил нападавшего на асфальт и полностью обезвредил еще до того, как тот успел достать пистолет из кармана, до того, как остальные среагировали. Для Коллина единственной задачей в жизни была охрана Алана Ричмонда.

Агенту Коллину потребовалась одна минута, чтобы изложить Рассел все обстоятельства случившегося краткими, связными фразами. Бёртон угрюмо подтвердил рассказ напарника.

– Мисс Рассел, тут вопрос стоял так: или она, или он. Другого способа положить этому конец не было.

Бёртон непроизвольно оглянулся на президента, лежавшего на кровати, абсолютно бесчувственного к окружающему миру. Агенты Секретной службы прикрыли простыней самые стратегически важные части его тела.

– Вы хотите сказать, что ничего не слышали? Никаких звуков, свидетельствующих о насилии, до... до всего этого?

Она обвела рукой царящий в спальне разгром.

Агенты переглянулись. Им доводилось слышать самые разные звуки, доносящиеся из спален, в которых находился их босс. Какие-то из них можно было посчитать свидетельствующими о насилии, другие – нет. Но раньше всё для всех заканчивалось хорошо.

– Ничего необычного, – ответил Бёртон. – Затем мы услышали крик президента и вошли в комнату. Нож находился дюймах в трех от его груди. Единственным достаточно быстрым средством остановить женщину была пуля.

Он стоял, вытянувшись в струнку, и смотрел Рассел прямо в глаза. Они с Коллином сделали то, что должны были сделать, и не этой женщине говорить им, что они были не правы. Никто не сможет их ни в чем обвинить.

– В комнате был нож, черт побери? – Рассел изумленно посмотрела на него.

– Будь моя воля, президент не отправлялся бы на эти... на эти маленькие экскурсии. В половине случаев он не дает нам возможность осуществить предварительную проверку. Мы не смогли осмотреть комнату. – Бёртон посмотрел ей в лицо. – Он... президент, мэм, – добавил он, оправдываясь.

И для Рассел, как правило, это действительно все оправдывало, о чем прекрасно знал Бёртон.

Глория Рассел обвела взглядом комнату, внимательно осматривая обстановку. Она была известным на всю страну профессором политологии в Стэнфордском университете, до того как откликнуться на призыв Алана Ричмонда помочь ему в борьбе за президентское кресло. Он обладал таким мощным напором, что каждому хотелось вскочить в его поезд.

В настоящий момент Рассел возглавляла администрацию президента, и ходили разговоры, что она станет государственным секретарем, если Ричмонда переизберут на второй срок, что, никто не сомневался, можно было считать делом решенным. Как знать, быть может, образуется тандем Ричмонд – Рассел... Они блестяще дополняли друг друга. Она – стратег, он – закаленный политический боец. С каждым днем будущее становилось все более светлым. Но теперь?.. На руках у Рассел были труп и пьяный президент, в доме, который должен пустовать.

У нее возникло такое ощущение, будто скорый поезд, шедший на полной скорости, вдруг резко затормозил. Но затем мозг снова включился. Только не из-за этой никчемной шлюхи. Ни за что!

Бёртон зашевелился, привлекая к себе внимание.

– Мэм, мне вызвать полицию?

Рассел посмотрела на него так, будто он сошел с ума.

– Бёртон, позвольте напомнить: ваша работа заключается в том, чтобы защищать интересы президента, всегда и во всем, и ничто – абсолютно ничто... не может иметь больший приоритет. Это понятно?

– Мэм, леди мертва. Полагаю, мы...

– Совершенно верно. Вы с Коллином застрелили эту женщину, и она мертва.

Сорвавшись с уст Рассел, слова повисли в воздухе. Коллин сжал и разжал пальцы правой руки, непроизвольно потянувшейся к кобуре с пистолетом, и посмотрел на покойную миссис Салливан так, словно надеялся оживить ее усилием воли.

Расправив свои широченные плечи, Бёртон придвинулся на дюйм ближе к Рассел, чтобы максимально подчеркнуть значительную разницу в росте.

– Если б мы не выстрелили, президент был бы мертв. Это *наша* работа. Следить за тем, чтобы президент был здоров и невредим.

– Опять-таки совершенно верно, Бёртон. И теперь, после того как вы предотвратили смерть президента, каким образом вы собираетесь объяснить полиции, жене президента и своему начальству, адвокатам, журналистам и Конгрессу, финансовым рынкам, всей стране и всему остальному миру, черт бы его побрал, почему президент оказался здесь? Чем он здесь занимался? И какие обстоятельства привели к тому, что вам с агентом Коллином пришлось застрелить жену одного из самых богатых и влиятельных людей Соединенных Штатов? Потому что если вы вызовете полицию, если вы вызовете кого бы то ни было, именно этим вам и при-

дется заниматься. Итак, если вы готовы принять на себя полную ответственность за подобные действия... вот телефон, снимайте трубку и звоните в полицию.

Лицо Бёртона поменяло цвет. Он отступил на шаг, почувствовав, что теперь от его физических габаритов больше нет никакого толка. Коллин застыл, наблюдая за противостоянием. Ему еще никогда не приходилось видеть, чтобы кто-либо разговаривал так с Биллом Бёртоном. Верзила мог запросто свернуть Рассел шею одним ленивым движением своей руки.

Бёртон снова посмотрел на труп. Как объяснить случившееся так, чтобы всем было хорошо? Ответ прост: это невозможно.

Рассел внимательно следила за его лицом. Бёртон снова повернулся к ней. Теперь он уже избегал встречи взглядами. Рассел одержала победу. Снисходительно усмехнувшись, она кивнула. Теперь парадом командовала она.

– Идите сварите кофе, целый кофейник, – приказала Рассел Бёртону, на мгновение насладившись тем, что они поменялись ролями. – А затем оставайтесь у входной двери на тот случай, если к нам вдруг пожалуют поздние гости. А вы, Коллин, сходите к микроавтобусу и переговорите с Джонсоном и Варни. Обо всем этом ничего им не говорите. Покамест скажите только, что произошел несчастный случай, но президент в порядке. И всё. Они должны быть наготове. Понятно? Как только вы мне понадобится, я дам вам знать. Мне нужно все это хорошенько обдумать.

Кивнув, Бёртон и Коллин вышли. Оба были обучены беспрекословно выполнять приказы, особенно отданные столь повелительным тоном. И Бёртон больше не хотел брать на себя ответственность. Ни за какие деньги!

* * *

Лютер не шелохнулся с тех самых пор, как выстрелы разmozжили женщине голову. Ему было страшно. Первое потрясение наконец прошло, но он ловил себя на том, что его взгляд неудержимо тянуло к полу и тому, что еще совсем недавно было живым, дышащим человеческим существом. За всю свою преступную жизнь Лютер лишь однажды видел смерть другого человека. Один педофил, отбывающий уже третий срок, напоролся на финку с четырехдюймовым лезвием, которую держал в руке его сокамерник, неодобрительно относившийся к подобным занятиям. Однако сейчас Уитни захлестнули чувства совсем иного рода, как будто он был единственным пассажиром корабля, зашедшего в чужеземную гавань. Вокруг Лютер не видел ничего знакомого и привычного. Любой шум мог обернуться для него катастрофой, но он медленно опустился в кресло, опасаясь, что ноги не выдержат вес его тела.

Лютер наблюдал за тем, как Рассел пересекла комнату и склонилась над мертвой женщиной, но не притронулась к ней. Затем она подняла нож, взяв его за кончик лезвия носовым платком, который достала из кармана, и долго пристально смотрела на этот предмет, едва не оборвавший жизнь ее босса и сыгравший важную роль в том, чтобы оборвать жизнь другого человека. Осторожно положив нож в свою кожаную сумочку, она убрала платок в карман, после чего мельком взглянула на изуродованную плоть, которая еще недавно была Кристиной Салливан.

Помимо воли Рассел восхищалась тем, как Ричмонд подходил к этим внеурочным занятиям. Все его «подруги» были женщины состоятельные, занимающие высокое положение в обществе, и все были замужем. Этим обеспечивалось то, что информация о его развратном поведении не просочится в «желтую» прессу. Женщины, с которыми он спал, от раскрытия его похождения теряли не меньше, чем он, а то и больше, и они прекрасно это сознавали.

И средства массовой информации... Рассел усмехнулась. В наши дни президент постоянно находился под бдительным оком. Он не мог помочиться, выкурить сигару или рыгнуть без того, чтобы это не становилось известно широкой общественности в мельчайших подроб-

ностях. По крайней мере, так считала сама общественность. И это убеждение основывалось в основном на переоценке возможностей прессы и ее способности вытаскивать на свет божий самые сокровенные детали. Но общественность никак не могла понять, что, хотя за последние десятилетия президентская администрация и лишилась частично своего бесконечного могущества, так как проблемы беспокойного мира переросли границы способностей любого человека в одиночку справляться с ними, президент был окружен абсолютно преданными людьми, блестяще выполняющими свою работу. Людьми, чьи профессиональные навыки по части проведения тайных операций не шли ни в какое сравнение с потугами самодовольных изнеженных журналистов, чье представление о распутывании сенсации ограничивалось якобы коварными вопросами конгрессмену, готовому говорить о чем угодно ради того, чтобы быть упомянутым в вечерних новостях. Реальность заключалась в том, что президент Алан Ричмонд мог свободно перемещаться куда угодно, не опасаясь, что кому бы то ни было удастся проследить за его местонахождением. При желании он даже мог бы сколь угодно долго скрываться от внимания общественности, хотя это явилось бы полной противоположностью того, к чему должен стремиться успешный политик. И это обеспечивала одна-единственная служба.

Секретная служба. Лучшие из лучших. Что эта элитная группа уже многие годы доказывала снова и снова, как это было и при подготовке последнего маленького приключения президента.

Около полудня Кристина Салливан вышла из салона красоты в центре Вашингтона. Пройдя пешком квартал, она зашла в подъезд жилого здания и через тридцать секунд вышла обратно, облаченная в длинный плащ с капюшоном, который достала из сумки. Большие черные очки скрыли ее глаза. Салливан прошла пешком еще несколько кварталов, рассеянно глядя в витрины, после чего проехала несколько остановок по красной ветке метро. Выйдя из метро, прошла еще два квартала и скрылась в переулке между двумя зданиями, подготовленными к сносу. Через две минуты из переулка выехала машина с тонированными стеклами. Управлял ею Коллин. Кристи Салливан сидела сзади. Она оставалась в надежном месте вместе с Биллом Бёртоном до тех пор, пока вечером к ней не присоединился освободившийся от дел президент.

Поместье Салливанов было выбрано для намеченной интерлюдии, потому что, по иронии судьбы, никому и в голову не пришло бы искать Кристи в ее загородном особняке. И Рассел знала, что там абсолютно никого нет, а охранная система никак не мешает планам.

Сев в кресло, Глория Рассел закрыла глаза. Да, вместе с ней в доме два самых толковых сотрудника Секретной службы. И впервые это обстоятельство вызывало тревогу главы президентской администрации. Четверо агентов, сопровождавших сегодня ночью ее и президента, были отобраны из примерно ста человек, составляющих президентскую охрану, лично президентом специально для подобного рода приключений. Это были люди опытные, бесконечно преданные. Они заботились о президенте и держали язык за зубами, чего бы от них ни просили. До сегодняшнего дня увлечение президента Ричмонда замужними женщинами не порождало никаких из ряда вон выходящих проблем. Однако события этой ночи, несомненно, поставили все под угрозу. Покачивая головой, Рассел усилием воли сосредоточилась на составлении плана действий.

* * *

Лютер изучал это лицо. Умное, привлекательное, но также очень жесткое. Можно было буквально видеть ход мыслей по тому, как попеременно морщился и расслаблялся ее лоб. Время шло, а Глория Рассел сидела не шелохнувшись. Наконец она открыла глаза и обвела взглядом спальню, не упуская никаких подробностей.

Уитни непроизвольно отпрянул назад, когда этот взгляд скользнул по нему, подобно лучу прожектора по тюремному двору. Наконец глаза Рассел дошли до кровати и остановились. Она долго смотрела на спящего мужчину, и у нее на лице появилось выражение, которое Лютер не смог определить. Это было нечто среднее между улыбкой и гримасой.

Встав, Рассел подошла к кровати и посмотрела на мужчину. Человек для народа – по крайней мере, так думают люди. Человек на века. В настоящий момент Алан Ричмонд совсем не казался великим. Его тело наполовину лежало на кровати, раздвинутые ноги свисали, едва не доставая до пола: мягко сказать, весьма неловкая поза для совершенно голого человека. Рассел скользнула взглядом по телу президента, задерживаясь в определенных местах, что невероятно поразило Лютера, учитывая то, что лежало на полу. До того как Глория Рассел вошла в комнату и схлестнулась с Бёртоном, Лютер ждал, что вот-вот послышатся сирены, а он будет сидеть и смотреть, как повсюду копошатся полицейские и следователи, судебно-медицинские эксперты и даже политтехнологи; и перед домом выстроится длинная вереница машин. Однако у этой женщины, по-видимому, были другие планы.

Лютер видел Глорию Рассел по Си-эн-эн и основным сетевым телеканалам, и несчетное число раз в газетах. Она обладала примечательной внешностью. Длинный орлиный нос расположился между высокими скулами – подарок предка из числа индейцев-чероки. Прямые черные, как смоль, волосы заканчивались у плеч. Большие глаза обладали такой густой синевой, что напоминали океанские глубины – два омута, таящие опасность для беспечных и неосторожных.

Лютер осторожно повернулся в кресле. Наблюдать за тем, как эта женщина перед величественным камином в Белом доме с важным видом вещает о текущих политических проблемах – это одно. Наблюдать же за тем, как она ходит по комнате с трупом и осматривает пьяного голого мужчину, предводителя всего Свободного Мира, – это совершенно другое. У Лютера не было ни малейшего желания продолжать смотреть этот спектакль, но он не мог оторвать от него глаз.

Бросив взгляд на дверь, Рассел торопливо пересекла комнату, достала носовой платок, закрыла дверь и заперла ее. После чего быстро вернулась назад и снова уставилась на президента. Протянула к нему руку, и Лютер застыл, предвкушая что-то нехорошее, но Рассел лишь погладила президента по лицу. Уитни расслабился было, но тотчас же снова напрягся, увидев, как ее рука спустилась по его груди, задержавшись ненадолго в густых волосах, затем скользнула еще ниже на плоский живот, равномерно вздымающийся и опускающийся в глубоком сне.

После чего рука Рассел двинулась еще дальше, медленно стаскивая одеяло и роняя его на пол. Достигнув промежности, рука остановилась там. Снова оглянувшись на дверь, Рассел опустила на колени перед президентом. Тут уж Лютер был вынужден зажмуриться. Он не разделял эти своеобразные зрительские предпочтения владельца особняка.

Прошло несколько долгих минут, и наконец Лютер открыл глаза. Глория Рассел уже стянула с себя колготки и аккуратно положила их в кресло. После чего осторожно забралась на спящего президента.

Лютер снова закрыл глаза. У него мелькнула мысль – будет ли слышен скрип кровати внизу. Вероятно, не будет, потому что дом очень большой. А если и будет, что смогут сделать агенты Секретной службы?

Десять минут спустя Лютер услышал громкий непроизвольный вздох мужчины, затем тихий стон женщины. Но он не открывал глаза. Сам не зная почему. Наверное, все дело было в сочетании первобытного страха и отвращения, вызванного неуважением по отношению к мертвой женщине.

Когда Лютер наконец открыл глаза, Рассел пристально смотрела прямо на него. У него на мгновение остановилось сердце, но затем мозг успокоил его, что все в порядке. Рассел

быстро натянула колготки, затем уверенными, ровными движениями поправила помаду на губах, глядя на себя в зеркало.

С лица у нее не сходила улыбка; щеки покраснелись. Внешне она словно помолодела. Лютер бросил взгляд на президента. Тот снова погрузился в глубокий сон; последние двадцать минут, вероятно, отложились у него в сознании как необычайно реалистичное приятное сновидение. Лютер снова посмотрел на Рассел.

Ему было не по себе от того, что эта женщина улыбалась ему в комнате смерти, не подозревая о том, что он здесь. В ее взгляде была власть. И еще одно выражение, которое Лютер уже видел в этой комнате. Эта женщина также была крайне опасна.

* * *

– Мне нужно, чтобы все это место было тщательно вычищено, за исключением вот этого. – Рассел указала на покойную миссис Салливан. – Так, подождите. Вероятно, он наследил на ней повсюду. Бёртон, необходимо осмотреть каждый дюйм ее тела и убрать все постороннее. После чего оденьте ее.

Надев перчатки, Бёртон приступил к выполнению приказа.

Коллин сидел рядом с президентом, вливая ему в рот очередную чашку кофе. Кофеин поможет рассеять похмелье, но лишь время полностью очистит сознание. Подсев к президенту, Рассел взяла его руку. Теперь он уже был полностью одет, хотя волосы и оставались растрепанными. Рука у него болела, но Коллин, как мог, перебинтовал ее. Президент обладал отменным здоровьем; скоро все бесследно заживет.

– Господин президент! Алан! *Алан!*

Схватив президента за голову, Рассел повернула его лицом к себе.

Почувствовал ли он то, что она с ним сделала? Глория в этом сомневалась. Сегодня вечером Алану Ричмонду так отчаянно хотелось совокупиться. Хотелось проникнуть в женское чрево. Она отдала ему свое тело, не задавая никаких вопросов. Формально совершила изнасилование. Впрочем, Рассел была уверена в том, что многие мужчины мечтали бы о подобном насилии. И неважно, что у президента не останется в памяти это событие, принесенная ею жертва. Но он, черт возьми, непременно узнает о том, что она собиралась сделать ради него сейчас.

Взгляд президента то фокусировался, то снова становился рассеянным. Коллин растирал ему шею. Президент приходил в себя. Рассел взглянула на часы. Два часа ночи. Им пора возвращаться. Она похлопала президента по лицу, не сильно, но так, чтобы привлечь его внимание. Коллин напрягся. Господи, какие же эти ребята ограниченные!

– Алан, у вас был с ней секс?

– Чего...

– У вас был с ней секс?

– Чего... Нет. Не думаю. Не пом...

– Дайте ему еще кофе, если потребуется, силой влейте в горло, но он должен протрезветь.

Кивнув, Коллин принялся за работу. Рассел подошла к Бёртону. Его руки в перчатках умело изучали каждый дюйм тела покойной миссис Салливан.

Бёртону в прошлом не раз приходилось принимать участие в полицейских расследованиях. Он знал, что именно ищут следователи и где они это ищут. Бёртон даже представить себе не мог, что когда-либо воспользуется этими знаниями, чтобы помешать следствию; но, с другой стороны, он также не мог себе представить, что когда-либо произойдет нечто подобное.

Агент обвел взглядом комнату, мысленно определяя, какие зоны нужно будет осмотреть, какими еще помещениями они пользовались. Со следами на шее женщины и с другими микрочастицами, вне всякого сомнения, проникшими в ее кожу, ничего нельзя поделать. Экс-

перт-криминалист обнаружит их, что бы ни сделал Бёртон. Однако реально проследить связь с президентом не получится, если только полиция не определит его как подозреваемого, что выходило за рамки возможного.

Загадку нестыковки попытки удушения миниатюрной женщины со смертью вследствие огнестрельного ранения придется оставить полицейским следователям. Пусть проявят свое воображение.

Снова переключив свое внимание на убитую, Бёртон начал осторожно натягивать на нее нижнее белье, но тут почувствовал, как его тронули за плечо.

– Осмотрите ее.

Подняв взгляд, Бёртон начал было что-то говорить.

– Осмотрите ее!

Рассел выгнула брови дугой. Агент уже миллион раз видел это выражение, обращенное к сотрудникам Белого дома. Все они жутко ее боялись. Сам Бёртон не боялся Рассел, но у него хватало ума прикрывать свою задницу, когда она оказывалась поблизости. Он медленно сделал то, что ему приказали. После чего уложил тело в точности так, как оно упало. Вместо ответа просто покачал головой.

– Вы уверены?

В голосе Рассел прозвучало сомнение, хотя по своему краткому эпизоду с президентом она поняла, что тот, по всей вероятности, не проникал в эту женщину, а если и проникал, то не кончил. Но могли остаться какие-либо следы. Просто жуть берет, сколько всего можно определить в наши дни по самым крохотным крупицам...

– Я вам не гинеколог, черт возьми! Я ничего не увидел, а если б что-нибудь было, думаю, я увидел бы, но я не ношу с собой микроскоп!

Рассел была вынуждена пропустить это мимо ушей. Еще так много нужно сделать, а времени в обрез...

– Джонсон и Варни ничего не сказали?

Коллин оглянулся на президента, глотающего четвертую чашку кофе.

– Они гадают, что произошло, если вы это имели в виду.

– Вы им ничего не...

– Я сказал им только то, что сказали вы, мэм, и больше ничего. – Коллин посмотрел ей в глаза. – Они отличные ребята, мисс Рассел. Они вместе с президентом с самого начала кампании. И не сделают ничего такого, что сможет ему навредить, понятно?

Рассел наградила его улыбкой. Симпатичный парень и, что гораздо важнее, преданный боец личной гвардии президента; он будет ей очень полезен. А вот с Бёртоном, возможно, возникнут проблемы. Но у нее есть сильный козырь: это Коллин и Бёртон нажали на спусковые крючки. Возможно, по долгу службы, но на самом деле кто может знать? Итог: оба они во всем этом по самые уши.

* * *

Лютер заворуженно наблюдал за происходящим, и в данных обстоятельствах ему было стыдно за это. Определенно, эти люди знали свое дело: они действовали методично, тщательно, продуманно, ничего не упуская из виду. На самом деле, преданные служители закона и профессиональные преступники не так уж отличаются друг от друга. Навыки, техника во многом схожи, только цель разная; но ведь именно в цели все различие, правильно?

Женщина, теперь уже полностью одетая, лежала в точности там же, где упала. Коллин заканчивал возиться с ее ногтями. Под каждый был впрыснут какой-то раствор, после чего маленькое отсасывающее устройство удалило все следы кожи и прочих инкриминирующих остатков.

Кровать перестелили чистым бельем; простыни с обличительными уликами уже были упакованы в мешок для последующего уничтожения в печи. Коллин также осмотрел первый этаж. Все то, к чему прикасался хоть кто-либо из них, было начисто вытерто, за исключением одного объекта. В настоящий момент Бёртон пылесосил ковер; он уйдет последним, пятясь назад, тщательно уничтожая за собой все следы.

До этого Лютер наблюдал за тем, как агенты разорили комнату. Осознав, какую цель они преследуют, он, помимо воли, улыбнулся. Ограбление. Ожерелье отправилось в сумку, вместе с изобилием перстней и колец. Агенты постарались представить все так, будто женщина застала в доме грабителя, а тот убил ее; при этом они не подозревали о том, что настоящий грабитель внимательно смотрел и слушал все, что они делают.

Свидетель!

Лютеру еще никогда не доводилось быть свидетелем ограбления, если не считать тех, которые совершил он сам. Преступники терпеть не могут свидетелей. Если эти люди узнают о том, что он здесь, они убьют его; в этом можно не сомневаться. Пожилой преступник, трижды судимый, – незначительная жертва ради Лидера Народа.

Президент, все еще не протрезвевший окончательно, с помощью Бёртона медленно покинул комнату. Рассел проводила их взглядом. Она не видела, что Коллин лихорадочно обыскивает комнату. Наконец его зоркий взгляд упал на сумочку Рассел, лежащую на ночном столике. Из нее примерно на дюйм торчала рукоятка ножа для конвертов. С помощью полиэтиленового пакета Коллин быстро вытащил ножик и приготовился его вытереть. Лютер непроизвольно вздрогнул, увидев, как Рассел подскочила к Коллину и схватила его за руку.

– Не делайте этого!

Коллин был не такой сообразительный, как его напарник, и определенно не был ровней Рассел. Он пришел в недоумение.

– Его отпечатки тут повсюду, мэм. И ее тоже, плюс кое-что другое, если вы понимаете, что я хочу сказать, – это же кожа, она пропиталась насквозь.

– Агент Коллин, президент пригласил меня к себе в команду, чтобы я определяла его стратегию и тактику. То, что вам кажется очевидным решением, на мой взгляд, требует тщательного обдумывания. До тех пор пока этот анализ не будет завершен, вы не вытρεте этот предмет. Вы уберете его в надлежащий контейнер и передадите мне.

Коллин начал было возражать, но умолк, увидев угрожающий взгляд Рассел. Послушно убрав нож в пакет, он протянул его главе администрации.

– Пожалуйста, мисс Рассел, будьте с ним осторожны.

– Тим, я всегда осторожна.

Она вознаградила его еще одной улыбкой. Коллин улыбнулся в ответ. Она еще никогда не называла его по имени; он даже сомневался, знает ли она его. Также Коллин отметил, и не в первый раз, что глава президентской администрации – очень привлекательная женщина.

– Да, мэм. – Он начал собирать свое снаряжение.

– Тим!

Коллин оглянулся. Рассел подошла к нему, потупившись, затем встретила с ним взглядом и заговорила тихим голосом; Коллин почувствовал, что она смущена.

– Тим, мы имеем дело с уникальной ситуацией. Мне необходимо разобраться, что к чему. Вы понимаете?

– Да уж, ситуация действительно уникальная. – Коллин кивнул. – Я до смерти перепугался, увидев лезвие, готовое вонзиться в грудь президенту.

Рассел прикоснулась к его руке. Ее длинные ногти были безупречно ухоженными. Она подняла пакет с ножом.

– Тим, это должно остаться между нами. Хорошо? Ни слова президенту. И даже Бёртону.

– Я не знаю...

Рассел схватила его за руку.

– Тим, мне действительно необходима ваша поддержка. Президент даже не догадывается о случившемся, а Бёртон, как мне кажется, в настоящий момент смотрит на все чересчур рационально. Мне нужен человек, на которого я могу положиться. Мне нужны вы, Тим. Это чрезвычайно важно. Вы ведь всё понимаете, правда? Я не просила бы вас, если б сомневалась в том, что вы справитесь.

Коллин улыбнулся, услышав этот комплимент, затем посмотрел ей в глаза.

– Хорошо, мисс Рассел. Как скажете.

Он закончил собирать свои вещи, и Глория посмотрела на окровавленный семидюймовый кусок стали, едва не положивший конец ее политическим чаяниям. Если б президента убили, отмазаться не удалось бы. Мерзкое слово – «отмазаться», но часто необходимое в мире высокой политики. Рассел непроизвольно поежилась, мысленно представив газетные заголовки. «Президент обнаружен убитым в спальне в доме близкого друга. Жена арестована за убийство. Партийные лидеры винят в случившемся главу президентской администрации Глорию Рассел». Но этого не произошло. И никогда не произойдет.

Предмет, который она держала сейчас в руке, стоил больше, чем целая гора оружейного плутония, больше, чем вся нефть, добываемая Саудовской Аравией.

Обладая этим, как знать, на какие можно нацелиться высоты? Быть может, даже тандем *Рассел – Ричмонд*? Возможности открывались просто безграничные.

Улыбнувшись, она убрала пакет в сумочку.

* * *

Услышав крик, Лютер резко повернул голову. В шее стрельнула острая боль, и он едва не вскрикнул.

Президент вбежал в спальню. Глаза у него были широко раскрыты, он все еще оставался наполовину пьян. Воспоминания последних нескольких часов вернулись подобно приземлившемуся ему на голову «Боингу-747».

Следом за ним прибежал Бёртон. Президент бросился к телу; Рассел уронила сумочку на ночной столик, и они с Коллином встретили его на полпути.

– Проклятье! Она мертва! Я ее убил! Боже милосердный, помоги мне! Я ее убил!

Президент кричал, плакал, потом снова кричал. Он попытался протиснуться сквозь вставшую перед ним стену, но у него не хватило сил. Бёртон тянул его сзади.

Затем в конвульсивном порыве Ричмонд вырвался и, пробежав через комнату, налетел на стену и откатился к ночному столику. После чего президент Соединенных Штатов свернулся на полу в комок, жалобно всхлипывая, рядом с женщиной, с которой он сегодня ночью намеревался заняться любовью.

Лютер с отвращением смотрел на все это. Затем потер шею и медленно покачал головой. Невероятность событий всей этой ночи становилась просто невыносимой.

Президент медленно уселся на полу. Похоже, Бёртон испытывал то же самое, что и Лютер, но он ничего не сказал. Коллин посмотрел на Рассел, ожидая распоряжений. Поймав его взгляд, та бесцеремонно приняла бразды правления на себя.

– Глория!

– Да, Алан?

Лютер обратил внимание, как Рассел смотрела на нож. И сейчас он понял то, о чем в этой комнате больше никто не догадывался.

– Все будет хорошо? Глория, сделай так, чтобы все было хорошо. Пожалуйста... О Глория!

Рассел обнадеживающе положила руку ему на плечо, как уже делала на протяжении сотен тысяч миль избирательной кампании.

– Всё под контролем, Алан. Я всё держу под контролем.

Президент еще недостаточно протрезвел, чтобы уловить скрытый смысл ее слов, но Рассел в действительности было все равно.

Тронув наушник в ухе, Бёртон внимательно выслушал то, что ему сказали, и повернулся к Рассел.

– Нам лучше поскорее убраться отсюда ко всем чертям. Варни только что заметил приближающуюся патрульную машину.

– Сигнализация?.. – озадаченно спросила Рассел.

Бёртон покачал головой.

– Скорее всего, это просто обычная проверка, но если охранники что-либо заметят...

Ему не нужно было ничего добавлять.

Лучшей маскировкой в этой земле богачей был лимузин. Рассел поблагодарила Бога за то, что для этих маленьких приключений всегда использовала взятые напрокат лимузины без водителей. Имена во всех документах были вымышленными, оплата и залог производились наличными, машина забиралась на стоянке и там же оставлялась. Никто не видел никаких лиц. Салон машины подвергнут стерильной обработке. Эта ниточка, даже если полиция за нее когда-либо ухватится, что было крайне сомнительно, приведет в тупик.

– Уходим! – Рассел потихоньку начинала паниковать.

Президенту помогли встать. Рассел пошла рядом с ним. Коллин схватил сумки. И вдруг застыл на месте.

Лютер с трудом сглотнул подкативший к горлу клубок.

Вернувшись, агент взял с ночного столика сумочку Рассел и направился к двери.

Бёртон включил портативный пылесос, завершил обработку комнаты, погасил свет и закрыл дверь.

* * *

Мир Лютера вернулся к непроницаемому мраку.

Впервые он остался в комнате наедине с мертвой женщиной. Остальные, судя по всему, привыкли к лежащему на полу окровавленному телу – ходили вокруг, переступали через него, не отдавая себе отчета, словно это был какой-то неодушевленный предмет. Но Лютер не успел привыкнуть к тому, что меньше чем в восьми шагах от него была смерть.

Он больше не видел заляпанную кровью одежду и безжизненное тело в ней, но знал, что все это никуда не делось. «Подлая богатая стерва» – такой, вероятно, будет неофициальная эпитафия хозяйке дома. Да, она действительно обманывала своего мужа, хотя тому, похоже, не было до этого особого дела. Но она не заслужила подобной смерти. Он убил бы ее, тут не было никаких вопросов. Если б не ее стремительная контратака, президент совершил бы убийство.

Агентов Секретной службы ни в чем нельзя было винить. Это их работа, и они ее выполнили. В пылу своих чувств женщина вздумала убить не того человека. Возможно, так оно было и к лучшему. Если б ее рука была чуть быстрее или реакция агентов оказалась чуть более медленной, ей, вероятно, пришлось бы провести остаток своих дней в тюрьме. А может быть, за убийство президента ей вынесли бы смертный приговор...

Лютер опустил в кресло. Ноги у него стали ватными. Усилием воли он заставил себя расслабиться. Скоро ему придется убраться отсюда ко всем чертям. Он должен был приготовиться к бегству.

Ему предстояло многое продумать, учитывая то, что эти люди непроизвольно сделали Лютера Уитни главным подозреваемым в этом гнусном и жестоком преступлении. Богатство

жертвы вынудит правоохранительные органы бросить колоссальные силы на поиски злодея. Но никому и в голову не придет искать ответ по адресу Пенсильвания-авеню, 1600⁶. Поиски будут вестись повсюду, но не там, и, несмотря на тщательные приготовления, предпринятые Лютером, вполне возможно, полиция выйдет на его след. Он хороший, очень хороший знаток своего дела, однако ему еще никогда не приходилось иметь дело с теми силами, которые будут задействованы для раскрытия этого преступления.

Лютер быстро прогнал в памяти весь свой план, приведший к событиям этой ночи. Очевидных дыр он в нем не нашел, но по большей части подводят как раз не совсем очевидные. Уитни сглотнул комок в горле, сжал и разжал кулаки, вытянул ноги, стараясь успокоиться. Проблемы необходимо решать по очереди. Он до сих пор еще не покинул этот дом. Может случиться много чего плохого, и одна-две вещи несомненно случатся.

Надо выждать еще две минуты. Лютер принялся отсчитывать в голове секунды, мысленно представляя себе, как эти люди расслаиваются по машинам. Вероятно, они тронутся только после того, как убедятся, что патрульная машина уехала.

Лютер осторожно открыл свою сумку. Внутри лежала значительная часть содержимого потайной комнаты. Он едва не забыл, что пришел сюда красть – и совершил кражу. Его машина в доброй четверти мили отсюда. Лютер поблагодарил Бога за то, что столько лет назад бросил курить. Сейчас ему потребуются все силы его легких. Сколько агентов Секретной службы тут было? По меньшей мере четверо. Проклятье!

Зеркальная дверь медленно открылась, и Лютер шагнул в спальню. Еще раз нажав кнопку на пульте дистанционного управления, он дождался, когда дверь начнет закрываться, и бросил пульт на кресло.

Затем посмотрел на окно. Он заранее подготовил альтернативный путь отхода через этот проем. У него в сумке лежала смотанная нейлоновая веревка длиной сто футов, очень прочная, с узлами через каждые шесть дюймов.

Лютер по большой дуге обошел вокруг тела, следя за тем, чтобы не вступить в алые пятна, расположение которых он тщательно запрограммировал в памяти. Он лишь мельком оглянулся на останки Кристины Салливан. Ее жизнь не вернуть. Теперь ему нужно было думать о том, как сохранить свою собственную.

Уитни потребовалось всего несколько секунд на то, чтобы добраться до ночного столика и пошарить под ним.

Его пальцы нащупали полиэтиленовый пакет. Столкновение президента со столиком опрокинуло набок сумочку Глории Рассел. Пакет и его крайне важный обитатель вывалились и упали под ночной столик.

Перед тем как убрать пакет в свой рюкзачок, Лютер потрогал пальцем лезвие через тонкий полиэтилен. Быстро подойдя к окну, он осторожно выглянул на улицу. Лимузин и микроавтобус по-прежнему стояли перед домом. Плохо.

Пройдя в другой конец комнаты, Лютер достал из рюкзачка веревку, прикрепил конец к ножке необычайно тяжелого шкафа и подошел к окну напротив, которое должно было выпустить его с противоположной стороны здания, не видной с дороги. Он осторожно открыл окно, моля Бога о том, чтобы петли были хорошо смазаны, – и удача вознаградила его.

Размотав веревку, Лютер бросил ее в окно и проводил взглядом, как та змеей скользнула вдоль кирпичной стены особняка.

---

⁶ Дом номер 1600 по Пенсильвания-авеню – фактический и почтовый адрес Белого дома, часто используется как синоним названия официальной резиденции президента США.

* * *

Глория Рассел подняла взгляд на внушительный фасад особняка. Здесь чувствовались настоящие деньги. Деньги и положение в обществе, которых не заслуживала Кристина Салливан. Она завоевала все это своими сиськами, искусно поданной попкой и мусорным ртом, что каким-то образом вдохновило пожилого Уолтера Салливана, пробудив в его сложных глубинах какое-то погребенное чувство. Через полгода он о ней даже не вспомнит. Его мир прочного, как камень, богатства и власти покатится дальше.

И вдруг Рассел спохватилась.

Она уже наполовину выбралась из лимузина, когда Коллин поймал ее за руку, протягивая ее кожаную сумочку, купленную в Джорджтауне за сотню долларов, которая теперь стала неизмеримо больше. Глория опустила на сиденье, ее дыхание снова стало ровным. Она улыбнулась Коллину, слегка залившись краской.

Президент, пребывающий в ступоре, ничего не заметил.

Затем Рассел заглянула в сумочку, на всякий случай, – и у нее отвалилась нижняя челюсть. Она принялась лихорадочно рыться в скудном содержимом. Ей понадобилась вся ее сила воли, чтобы не издать пронзительный крик. Она уставилась округлившимися от ужаса глазами на молодого агента. Ножики для бумаги в сумочке не было. Должно быть, он остался в доме.

Коллин уже бежал вверх по ступеням, совершенно сбитый с толку Бёртон следовал за ним по пятам.

Лютер спустился уже до середины, когда услышал, что агенты возвращаются.

Осталось еще десять футов.

Они ворвались в спальню.

Еще шесть футов.

Опешившие агенты Секретной службы увидели веревку; Бёртон бросился к ней.

Еще два фута, и Лютер отпустил веревку, спрыгнул на землю и побежал.

Бёртон подскочил к окну. Коллин опрокинул ночной столик: ничего. Он присоединился к стоящему у окна Бёртону. Лютер уже скрылся за углом. Бёртон начал было вылезать в окно. Коллин остановил его. Тот путь, которым они попали сюда, будет быстрее.

Оба агента рванули к двери.

* * *

Лютер ломился через кукурузное поле, больше не заботясь о том, чтобы не оставлять след, озабоченный теперь только тем, как остаться в живых. Рюкзак замедлял его продвижение, но Уитни слишком усердно трудился последние несколько месяцев, чтобы уйти с пустыми руками.

Вырвавшись из дружелюбного укрытия кукурузы, он перешел к наиболее опасной фазе своего бегства: сто ярдов открытого пространства. Луна скрылась за сгустившимися тучами, фонарей в сельской местности нет; в своей темной одежде Лютер был практически невидим. Однако человеческий глаз лучше всего различает в темноте движение, а он двигался быстро, как мог.

* * *

Двое агентов Секретной службы заскочили в микроавтобус. Снова появились они уже с агентом Варни, и все трое побежали через поле.

Опустив стекло, Рассел следила за ними с искаженным от шока лицом. Даже президент очнулся, но Глория быстро успокоила его, и он снова забылся в полудреме.

Коллин и Бёртон надели очки ночного видения, и картина у них перед глазами тотчас же стала похожа на примитивную компьютерную игру. Объекты, излучающие тепло, отображались красным, все остальное было темно-зеленым.

Агент Трэвис Варни, высокий и худой, лишь смутно понимающий, что происходит, определил своих товарищей. Он бежал с легкостью чемпиона колледжа по бегу, кем в свое время и был.

Всего три года как на работе в Секретной службе, Варни еще не успел обзавестись семьей и полностью отдавал себя работе. На Бёртона он смотрел как на человека, ставшего ему вторым отцом: родной его отец погиб во Вьетнаме. Сейчас Варни знал только то, что они преследуют человека, который что-то сделал в доме. Что-то такое, что затрагивало президента и, следовательно, затрагивало Варни. Когда они настигнут этого человека, ему не позавидуешь.

* * *

Лютер слышал позади звуки погони. Агенты опомнились значительно быстрее, чем он думал. Его начальное преимущество таяло, но все-таки его должно хватить. Агенты совершили большую ошибку, не став преследовать его в микроавтобусе. Они должны были бы догадаться, что у него где-то поблизости машина; не на вертолете же он сюда прилетел. Но Лютер радовался тому, что агенты оказались не такими сообразительными, какими должны были бы быть. В противном случае он не дожил бы до следующего рассвета.

Лютер срезал путь, свернув на тропинку через лес, которую заметил во время разведки местности. Это позволило ему выиграть около минуты. Его дыхание вырывалось подобно пулеметным очередям. Одежда стесняла движения, а ноги, как в кошмарном сне, двигались словно в замедленной съемке.

Наконец Лютер вырвался из леса и увидел свою машину. И снова он похвалил себя за то, что предусмотрительно заранее развернул ее в нужную сторону.

* * *

В ста ярдах впереди на экранах очков Бёртона и Коллина наконец появилась еще одна тепловая сигнатура, помимо Варни. Бегущий человек, и бегущий быстро. Оба агента на бегу вскинули руки к кобурам под мышкой. Оружие их было совершенно бесполезно на таком расстоянии, но сейчас они не могли забивать себе этим голову.

Тут взревел оживший двигатель, и Бёртон и Коллин рванули так, словно за ними по пятам неслись торнадо.

Варни по-прежнему находился впереди и чуть левее. Ему было сподручнее стрелять, но откроет ли он огонь? Что-то подсказывало им, что нет: он этому не обучен – стрелять в убегающего человека, больше не представляющего опасность для того, кого он поклялся охранять. Однако Варни не подозревал о том, что на карту было поставлено нечто большее, чем колотящееся сердце. Последствия будут серьезными для многих, и в первую очередь для двух агентов

Секретной службы, которые были уверены в том, что все сделали правильно, но в то же время сознавали, что вся вина ляжет на их плечи.

Бёртон всегда бегал неважно, но когда эти мысли промелькнули у него в голове, он ускорил бег, и более молодой Коллин был вынужден поднажать, чтобы не отставать от него. Однако Бёртон понимал, что они не успеют. Его ноги замедлили бег, когда машина рванула с места прочь от преследователей. Через считанные мгновения она была уже в двухстах ярдах.

Остановившись, Бёртон припал на колени и навел пистолет, однако он видел лишь облако пыли, поднятое уносящейся машиной. Затем погасли габаритные огни, и он полностью потерял цель из виду.

Бёртон повернулся к стоящему рядом Коллину. Постепенно до него дошел весь ужас случившегося. Бёртон медленно встал и убрал пистолет, затем снял очки ночного видения. Коллин последовал его примеру.

Они переглянулись.

Бёртон втянул полной грудью воздух, у него дрожали конечности. Тело, после того как перестал поступать адреналин, наконец откликнулось на запредельные физические нагрузки. Все кончено, ведь так?

К ним подбежал Варни. Даже в таком состоянии Бёртон не мог не отметить с завистью, к которой примешивалась некоторая доля гордости, что парень даже не запыхался. Надо будет позаботиться о том, чтобы Варни и Джонсон не пострадали вместе с ними. Они этого не заслужили. Он сам и Коллин получают по полной, но и только. Бёртону было жаль Коллина; однако тут ничего нельзя было поделать.

Однако когда Варни заговорил, в беспросветно мрачных мыслях Бёртона о будущем сверкнула крохотная искорка надежды.

– Я запомнил номер машины.

* * *

– Черт побери, где он был? – Потрясенная Рассел обвела взглядом спальню. – Он что, прятался под кроватью?

Напрасно она с вызовом посмотрела на Бёртона. Этот тип не прятался ни под кроватью, ни в шкафу. Наводя в комнате порядок, агент проверил все эти места. О чем со всей определенностью и заявил Рассел.

Бёртон посмотрел на веревку, затем выглянул в окно.

– Господи, похоже, этот тип все время наблюдал за нами, знал, когда мы покинули дом...

Он огляделся вокруг в поисках еще одного затаившегося призрака. Его взгляд задержался на зеркале, двинулся дальше, остановился и вернулся назад.

Бёртон посмотрел на ковер перед зеркалом.

Он несколько раз прошелся по этому месту пылесосом, до тех пор пока ковер не стал гладким; ворс, и без того дорогой и густой, стал на целый дюйм пышнее к тому моменту, как Бёртон закончил. Никто не ходил по нему после того, как они вернулись в спальню.

Однако сейчас, наклонившись, Бёртон различил отчетливые следы. Он не заметил их раньше, потому что целый участок ковра был примят, словно по нему что-то протащили. Натянув перчатки, Бёртон подскочил к зеркалу и стал дергать и ощупывать его края. Он крикнул Коллину, чтобы тот принес инструмент. Оглушенная Рассел молча взидала на них.

Бёртон просунул гвоздодер под зеркало, и они с Коллином навалились на него всем своим весом. Запор оказался непрочным; его умение хранить тайну заключалось в обмане, а не в грубой физической силе.

Раздался скрежет, хруст, хлопок – и дверь распахнулась.

Бёртон нырнул внутрь, Коллин не отставал от него. На стене нашелся выключатель. Комната озарилась светом, и агенты огляделись по сторонам.

Заглянув в комнату, Рассел первым делом увидела кресло. Она обернулась, ее взгляд упал на внутреннюю поверхность зеркальной двери, и она застыла на месте. Прямо перед собой она увидела кровать. Ту самую кровать, на которой незадолго до этого... Глория потеряла виски, пытаясь прогнать обжигающую боль, разлившуюся по голове.

Двухстороннее зеркало.

Обернувшись, Рассел увидела, что Бёртон тоже смотрит в зеркало. Его недавнее замечание насчет того, что кто-то наблюдал за ними, оказалось пророческим.

Агент беспомощно посмотрел на Рассел.

– Похоже, он находился здесь с самого начала. С самого начала, черт побери! Я не могу в это поверить, мать твою! – Он окинул взглядом пустые полки хранилища. – Судя по всему, он собрал неплохой урожай. Наличные и то, что нельзя отследить.

– Кому какое до этого дело! – взорвалась Рассел, тыча в зеркало. – Этот тип видел и слышал все, а вы его пустили!

– У нас есть номер его машины. – Коллин рассчитывал еще на одну улыбку благодарности, но не получил ее.

– И что с того? Вы полагаете, он собирается сидеть и ждать, когда мы пробьем его по базе данных и поступимся к нему в дверь?

Рассел опустила на кровать. Голова у нее шла кругом. Если этот тип находился здесь, он все видел. Она покачала головой. Плохая, но управляемая ситуация внезапно превратилась в катастрофически непредсказуемую, и от нее, Глории, уже ничего не зависело. Особенно если учесть то, о чем ей сообщил Коллин, когда она вошла в спальню.

Этот сукин сын забрал нож для вскрытия конвертов! С отпечатками пальцев, кровью и всем остальным, ведущим прямым путем в Белый дом.

Рассел посмотрела на зеркало, затем – на кровать, где совсем недавно восседала верхом на президенте, и непроизвольно крепче запахнула пиджак. Внезапно у нее стали подкашиваться ноги. Она вынуждена была прислониться к спинке кровати.

Коллин вышел из хранилища.

– Не забывайте, этот человек совершил здесь преступление. Если он обратится в полицию, его будут ждать очень крупные неприятности.

Эта мысль пришла в голову молодому агенту, когда он осматривал потайную комнату.

Ему следовало бы подумать получше.

Рассел подавила сильное желание исторгнуть содержимое желудка.

– Ему не нужно никуда идти и ни о чем заявлять, чтобы сорвать свой куш. Вы никогда не слышали о такой штуке, как телефон, черт возьми? Вероятно, в настоящий момент этот тип уже звонит в «Вашингтон пост». Проклятье! Далее последует бульварная пресса, а к концу недели он появится на всех основных новостных каналах, с размытым лицом и измененным голосом, по телемосту с какого-нибудь далекого маленького острова, где найдет себе убежище. А потом будет книга, а после нее документальный фильм... Твою мать!

Рассел мысленно представила себе, как одна небольшая посылка попадает в редакцию «Вашингтон пост», или в здание Эдгара Гувера, или в Генеральную прокуратуру Соединенных Штатов, или к лидеру оппозиционной партии. Если это случится, будет нанесен максимальный политический ущерб, не говоря про уголовное преследование.

В сопровождающей записке будет вежливо предложено сравнить отпечатки пальцев и кровь с образцами, взятыми у президента Соединенных Штатов. Внешне это будет похоже на розыгрыш, но такая просьба будет выполнена. Вне всякого сомнения, она будет выполнена. Отпечатки пальцев Ричмонда уже есть в картотеке. Его ДНК совпадет. Труп Кристи Салли-

ван обнаружат, ее кровь возьмут для анализа, после чего главе президентской администрации зададут множество вопросов, на которые у нее не будет ответов.

Они не жильцы на этом свете – все они не жильцы на этом свете. А этот мерзавец просто сидел здесь, дожидаясь своего шанса. Не подозревая о том, что эта ночь принесет ему самый крупный выигрыш за всю жизнь. И речь идет не о чем-то примитивном, вроде долларов. Он завалит самого президента, и тот с грохотом рухнет на землю, объятый пламенем, без какой-либо надежды на спасение. Как часто кому-то удавалось что-либо подобное? Вудворд и Бернстайн⁷ совершили сверхподвиг, однако такое им даже не снилось. Это дело многократно переплюнет Уотергейт. Проблема настолько грандиозная, твою мать, что с ней не справиться.

Рассел едва успела добежать до туалета. Бёртон бросил взгляд на труп, затем посмотрел на Коллина. Оба агента молчали; сердца у них колотились с возрастающей частотой по мере того, как осознание абсолютной исключительности ситуации опускалось на них подобно каменной крышке гробницы. Поскольку ничего другого они придумать не могли, Бёртон и Коллин принялись прилежно снова наводить порядок в комнате, пока Рассел исторгала содержимое своего желудка. Через час они собрались и уехали.

* * *

Дверь бесшумно закрылась за ним.

Лютер прикинул, что у него в лучшем случае есть всего пара дней, а то и меньше. Рискнув, он зажег свет и быстро прошелся взглядом по внутреннему убранству гостиной.

Его жизнь от нормальной – или почти нормальной – шагнула напрямиком в страну ужаса.

Сняв рюкзак, Уитни погасил свет и прокрался к окну.

Ничего – вокруг царил полная тишина. Бегство из особняка явилось самым выматывающим нервы событием в его жизни; это было даже хуже, чем иметь дело с оравой орущих северокорейских солдат. У него до сих пор тряслись руки. Всю дорогу назад ему казалось, что все встречные машины направляют свет фар прямо ему в лицо, стараясь выведать его страшную тайну. Дважды Лютеру попадались полицейские машины, и тогда его прошибала холодная испарина и становилось трудно дышать.

Уитни вернул машину на штрафстоянку, откуда «позаимствовал» ее вчера вечером, так что ее номера никуда не приведут. А вот кое-что другое могло привести.

Лютер сомневался в том, что его успели рассмотреть. Но даже если и успели, это даст лишь самые общие приметы: рост и телосложение. Его возраст, цвет кожи и черты лица по-прежнему останутся загадкой, а без этого все остальное – ничто. А поскольку бежал он быстро, его, скорее всего, сочтут молодым. Пока что оставался открытым лишь один путь, и всю дорогу обратно Лютер размышлял над тем, как с этим быть. Пока что он собрал в два чемодана столько из своих последних тридцати лет, сколько смог; сюда он больше не вернется.

Завтра утром он подчистит все свои банковские счета; это даст ему достаточно средств, чтобы бежать отсюда как можно дальше. За свою долгую жизнь Уитни уже с лихвой насмотрелся опасности в лицо. Но для того, чтобы сделать выбор между выступлением против президента Соединенных Штатов и простым исчезновением, не нужно было иметь семь пядей во лбу.

Добыча сегодняшней ночи была надежно спрятана. Три месяца работы ради награды, которая в конечном счете может обернуться для него гибелью. Лютер запер дверь и скрылся в ночи.

---

⁷ Имеются в виду корреспонденты газеты «Вашингтон пост» Р. Вудворд и К. Бернстайн, чье журналистское расследование привело к Уотергейтскому скандалу и отставке президента Р. Никсона.

Глава 4

В семь часов утра позолоченные двери лифта открылись, и Джек шагнул в изысканную приемную компании «Паттон, Шоу и Лорд». Люсинда еще не пришла, поэтому ее стол – массив тикового дерева, вес около тысячи фунтов, стоимость примерно по двадцать долларов за каждый из этих фунтов – оставался незанятым.

Джек прошел по широким коридорам, залитым мягким светом настенных бра в неоклассическом стиле, повернул направо, затем налево и через минуту открыл дубовую дверь в свой кабинет. Где-то слышался трезвон телефонов: город пробуждался к новому деловому дню.

Шесть этажей, свыше ста тысяч квадратных футов по одному из самых престижных адресов в центре города вмещали больше двухсот высокооплачиваемых юристов, а также двухэтажную библиотеку, полностью оснащенный тренажерный зал, сауну, мужскую и женскую раздевалки с душевыми кабинками, десять конференц-залов, обслуживающий персонал численностью несколько сот человек и, что самое главное, список клиентов, внушающий зависть всем юридическим фирмам страны, – это была империя «Паттон, Шоу и Лорд».

Фирма пережила жалкую эпоху конца восьмидесятых, а затем, когда спад наконец закончился, быстро набрала скорость. Теперь она неслась на полных парах, в то время как многие ее конкуренты заметно съезились. В ней собрались лучшие юристы буквально из всех областей права – или, по крайней мере, тех областей, где платили лучше всего. Многих переманили из других ведущих фирм, соблазнив щедрыми премиями и обещаниями не жалеть долларов в погоне за новыми выгодными делами.

Администрация нынешнего президента пригласила трех старших партнеров фирмы на высшие должности. Фирма выплатила им выходное пособие в размере свыше двух миллионов долларов каждому; при этом само собой подразумевалось, что как только срок их службы в правительстве истечет, они вернутся обратно в упряжь, принеся с собой заказы на десятки миллионов долларов от своих новых знакомых.

Неписанный закон фирмы, который тем не менее строжайше соблюдался, гласил, что за дело нового клиента возьмутся только в том случае, если гонорар будет не меньше ста тысяч долларов. Управляющая комиссия уже давно решила, что меньшая сумма обернется для фирмы лишь напрасной тратой времени. И не возникало никаких проблем с тем, чтобы строго придерживаться этого правила – и процветать. В столице люди приходили за лучшим и ничего не имели против, чтобы платить за эту привилегию.

Фирма сделала лишь одно исключение из этого правила – и, по иронии судьбы, для единственного клиента, который был у Джека, помимо «Болдуин энтерпрайзез». Грэм мысленно взял себе на заметку почаще проверять это правило. Если у него выгорит, он сможет сам диктовать свои условия. Джек понимал, что вначале его победы будут маленькими, но ничего не имел против этого.

Сев за стол, Грэм развернул свежую «Вашингтон пост» и открыл стаканчик с кофе. В «Паттон, Шоу и Лорд» имелись целых пять кухонь и три официантки со своими собственными компьютерами. Вероятно, ежедневно фирма потребляла пятьсот кофейников, но Джек покупал свой утренний напиток в маленькой забегаловке на углу, потому что на дух не переваривал то пойло, которое подавали здесь. Этот особый импортный сорт стоил целое состояние, но на вкус напоминал опилки, смешанные с водорослями.

Откинувшись на спинку кресла, Джек обвел взглядом свой кабинет. По меркам кандидата в партнеры фирмы, большой, четырнадцать на четырнадцать футов, с хорошим видом на Коннектикут-авеню.

Работая в службе государственных защитников, Джек делил кабинет еще с одним юристом, и окна в нем не было – лишь огромный плакат с пляжем на Гавайях, который Грэм при-

колол к стене в одно особенно отвратительное промозглое утро. Однако тамошний кофе ему нравился гораздо больше.

Когда он станет партнером, ему выделят новый кабинет, размерами вдвое больше – возможно, пока что еще не угловой, но и это также со временем можно было ожидать. Ведя счета Болдуина, Джек был четвертым по значимости «чудотворцем» фирмы, а всем членам ведущей тройки было уже за шестьдесят, и они предпочитали проводить время на поле для гольфа, а не в рабочем кабинете. Джек взглянул на часы. Пора включать счетчик.

Обыкновенно он приходил на работу одним из первых, но уже очень скоро здесь будет бурлить кипучая деятельность. По размерам окладов «Паттон, Шоу и Лорд» стояла в одном ряду с крупнейшими нью-йоркскими фирмами, и от сотрудников за большие деньги ожидали усердных трудов. Все до одного клиенты были архизначимыми, и их юридические запросы не имели границ. Одна-единственная ошибка в такой игре могла привести к тому, что оборонный контракт стоимостью четыре миллиарда долларов отправится в трубу, а фирма, входящая в сотню ведущих компаний Соединенных Штатов, объявит себя банкротом.

У всех кандидатов и младших партнеров, кого знал Джек, имелись проблемы с желудком; четверть лечилась от тех или иных хронических заболеваний. Грэм изо дня в день наблюдал их бледные лица и рыхлые тела, когда они сновали по девственно-чистым коридорам «П., Ш. и Л.», совершая очередной подвиг Геракла в юриспруденции. Это была обратная сторона столь высоких окладов, которые помещали этих людей в пять процентов самых высокооплачиваемых работников в стране.

Один только Джек мог не опасаться за свою карьеру. В юриспруденции умение находить общий язык с клиентами – великий уравнитель. Грэм проработал в «Паттон, Шоу и Лорд» около года, но уже заслужил уважение самых влиятельных и опытных сотрудников фирмы.

Все это должно было вызывать у него стыд, и так оно и было бы, если б не удручающее состояние всех остальных составляющих его жизни.

Отправив в рот последний крошечный пончик, Джек подался вперед и открыл папку. Юридическая работа нередко оказывается монотонной, а уровень его профессионального опыта был еще не таким, чтобы поручать ему самые захватывающие дела. Изучение контрактов на аренду недвижимости, подготовка данных для соглашений о защите авторских прав, учреждение компаний с ограниченной ответственностью, составление проектов меморандумов о взаимопонимании – вот чем Джек занимался день за днем, а дни становились все более продолжительными; но он быстро учился – это было необходимо для выживания, поскольку здесь от его опыта работы в суде не было практически никакого толка.

Традиционно фирма не занималась судебными процессами, предпочитая вместо этого решать более прибыльные и более постоянные корпоративные и налоговые вопросы. Когда же все-таки возникала необходимость участвовать в судебных тяжбах, эти дела передавались избранным элитным фирмам, специализирующимся как раз на работе такого рода, а те, в свою очередь, переправляли в «Паттон, Шоу и Лорд» все попадающие к ним заказы, не связанные с судебными разбирательствами. Это негласное соглашение успешно действовало на протяжении уже многих лет.

К обеденному перерыву Джек уже переложил две папки с документами из корзины «Входящие» в корзину «Исходящие», продиктовал три перечня и два письма и четырежды выслушал по телефону от Дженнифер напоминание о званом ужине в Белом доме, на который они приглашены сегодня вечером.

Ее отец был провозглашен какой-то организацией «Деловым человеком года». И то, что это событие удостоилось приема в Белом доме, красноречиво говорило о тесной связи президента с крупным бизнесом. Но, по крайней мере, Джек получит возможность взглянуть на президента вблизи. О том, чтобы познакомиться с ним лично, вероятно, речи не идет, однако, как знать, всякое может случиться...

– У тебя есть минутка? – В дверь просунул свою лысеющую голову Барри Алвис.

Он был самым возрастным кандидатом в штате фирмы, что означало, что его уже трижды обошли в гонке за партнерство и у него не оставалось никаких надежд успешно совершить следующий шаг. Толковый и трудолюбивый, Барри пришлось бы к месту в любой юридической фирме. Однако его желание сплетничать и, следовательно, перспективы привлекать новых клиентов равнялись нулю. Барри зарабатывал сто шестьдесят тысяч в год и еще двадцать тысяч получал в качестве премиальных. Жена его не работала, дети учились в частных школах, он ездил на «бумере» последней модели, не ставил перед собой непосильных задач и был вполне доволен жизнью.

Очень опытный юрист, имеющий за плечами десять лет напряженной работы, Барри Алвис должен был чертовски завидовать Джеку Грэму – и он ему завидовал.

Джек махнул рукой, приглашая его к себе в кабинет. Он знал, что Алвис его недолюбливает, понимал почему и не пытался это исправить. Грэм был готов многое сносить от своих коллег, однако и у его терпения имелись свои пределы.

– Джек, нам нужно срочно ускорить дело Бишоп.

Джек вытаращил глаза. Эта сделка, вымотавшая столько сил и нервов, умерла; по крайней мере, он так считал. Дрожащими руками он достал блокнот.

– Я полагал, что Рэймонд Бишоп не захотел идти на сделку с Комитетом по технической координации.

Усевшись, Алвис положил Джеку на стол толстенную папку и откинулся назад.

– Сделки умирают, затем воскресают, чтобы мучить нас. Завтра к вечеру нам нужны твои комментарии относительно вторичных финансовых документов.

Джек едва не выронил ручку.

– Это же четырнадцать соглашений, Барри, всего больше пятисот страниц! Когда ты об этом узнал?

Алвис встал, и Джек уловил у него на лице тень усмешки.

– Пятнадцать соглашений, шестьсот тринадцать страниц, через один интервал, не считая приложений. Спасибо, Джек. «Паттон, Шоу и Лорд» оценит твой труд. – Он повернулся к двери. – Да, желаю сегодня вечером приятно провести время вместе с президентом, и передай привет мисс Болдуин.

Алвис вышел.

Посмотрев на лежащую перед ним пухлую папку, Джек потерял виски, гадая, когда этому сукину сыну на самом деле стало известно о воскрешении дела Бишоп. Что-то подсказывало ему, что отнюдь не сегодня утром.

Взглянув на часы, Джек позвонил своей секретарше, кое-как скорректировал свой рабочий план на сегодняшний день, прихватил папку весом добрых восемь фунтов и направился в конференц-зал номер девять, самый маленький и самый уединенный, где можно будет спрятаться и спокойно поработать. Шесть часов напряженного труда, затем отправиться на ужин, вернуться обратно, проработать всю ночь напролет, сходить в парилку, принять душ и побриться, закончить комментарии и положить их Алвису на стол в три, самое позднее четыре часа дня. Подлый стервец!

Шесть соглашений спустя Джек доел чипсы, допил «Кока-колу», надел пиджак и сбежал по лестнице с десятого этажа в фойе.

Такси отвезло его домой. Выйдя из машины, он застыл на месте.

Перед домом стоял «Ягуар». Блатной номер «УДАЧА» сообщил Джеку о том, что его будущая спутница жизни уже ждет его. Похоже, она злится на него. Дженнифер снисходит до того, чтобы приезжать к нему домой, только когда злится на него за что-то и хочет это показать.

Джек взглянул на часы. Да, он немного задержался, но все будет в порядке. Отпирая входную дверь, он потерял подбородок: может быть, удастся обойтись без бритвы. Дженнифер

сидела на диване, предусмотрительно накрытом простыней. Грэм вынужден был признать, что выглядела она просто потрясающе: настоящая голубая кровь, что бы там ни понимали под этим в наши дни. Не улыбнувшись, Дженнифер встала и посмотрела на него.

– Ты опоздал.

– Ты сама знаешь, я не сам себе хозяин.

– Это не оправдание. Я тоже работаю.

– Точно. Но только разница в том, что у твоего босса такая же фамилия, как и у тебя, и его хорошенькая доченька крутит им как хочет.

– Мама и папа уже уехали. Лимузин будет здесь через двадцать минут.

– Времени полно. – Раздевшись, Джек заскочил в душ и отодвинул занавеску. – Дженн, будь добра, достань мой синий двубортный.

Пройдя в спальню, Дженнифер огляделась вокруг с плохо скрываемым отвращением.

– В приглашении сказано: черный галстук.

– Желательно черный, – поправил ее Джек, смывая мыло с лица.

– Джек, прекрати! Это же Белый дом, ради всего святого, это же президент!

– Мне предлагают выбор – черный галстук или нет, и я использую свое право отказаться от черного галстука. К тому же смокинга у меня нет. – Улыбнувшись, он задернул занавеску.

– А ты должен был его завести.

– Я забыл. Ну же, Дженн, успокойся! Никто не будет на меня смотреть; никому нет дела до того, во что я одет.

– Спасибо, Джек Грэм, огромное тебе спасибо. Я попросила тебя сделать одну маленькую вещь.

– Ты знаешь, сколько стоит это барахло?

Мыло жгло Джеку глаза. Он подумал про Барри Алвиса, про то, что ему предстоит работать всю ночь напролет и объяснять это Дженнифер, а затем ее отцу, и его голос наполнился сердитыми нотками.

– И сколько раз мне придется надевать эту проклятую тряпку? Один-два раза в год?

– После того как мы поженимся, нам предстоит часто бывать на мероприятиях, где черный галстук не просто желателен, а обязателен. Так что это будет хорошим вложением денег.

– Да я скорее вложу свои пенсионные накопления в бейсбольные карточки.

Джек снова высунул голову из-за занавески, показывая, что он шутит, но Дженнифер в комнате не было.

Вытерев полотенцем волосы, он обмотался им и прошел в крохотную спальню, где обнаружил висящий на плечиках на двери новенький смокинг. Появилась улыбающаяся Дженнифер.

– Принимай поздравления от «Болдуин энтерпрайзез». Это настоящий Армани. На тебе он будет смотреться просто превосходно.

– Откуда ты узнала мой размер?

– У тебя идеальный сорок второй, большой рост. Ты мог бы работать моделью. Личной моделью Дженнифер Болдуин...

Обвив Джека своими надушенными руками, она крепко прижалась к нему. Почувствовав, как ее внушительная грудь вжалась в его спину, Грэм мысленно обругал последними словами то, что сейчас у него нет времени этим воспользоваться. Хотя бы один раз без этих проклятых фресок, без херувимов и колесниц – и, может быть, все будет по-другому...

Джек с тоской посмотрел на маленькую незаправленную кровать. Ему придется работать всю ночь... Будь прокляты Барри Алвис и этот недоношенный Рэймонд Бишоп!

Ну почему всякий раз, когда он видит Дженнифер Болдуин, ему хочется надеяться, что у них все будет по-другому? По-другому – то есть лучше. Что она изменится, или он изменится,

или они встретятся где-нибудь посередине... Она такая красивая, у нее есть все, о чем только можно мечтать. Господи, что с ним не так?

* * *

Лимузин без труда преодолевал заторы, оставшиеся после часа пик. Семь с лишним часов вечера буднего дня – улицы в центральной части Вашингтона были пустынными.

Джек бросил взгляд на свою невесту. Ее легкое, но необычайно дорогое пальто не скрывало глубокий вырез платья. Идеально выточенные черты лица, безукоризненная кожа; время от времени сверкает безупречная улыбка... Густые золотисто-каштановые волосы уложены в высокую прическу; обыкновенно Дженнифер носила их распущенными. Она была похожа на супермодель.

Джек придвинулся ближе. Улыбнувшись, Дженнифер проверила свой макияж – разумеется, идеальный – и потрепала его по руке.

Грэм погладил ее по ноге, затем задрал платье. Дженнифер оттолкнула его руку.

– Потом, может быть, – шепнула она так, чтобы не услышал водитель.

Улыбнувшись, Джек беззвучно прошевелил губами, что потом у него, возможно, будет болеть голова. Дженнифер рассмеялась, а он вспомнил, что сегодня вечером никакого «потом» не будет.

Откинувшись на мягкую спинку сиденья, Грэм уставился в окно. Ему еще никогда не приходилось бывать в Белом доме; Дженнифер там уже бывала, дважды. Судя по ее внешнему виду, она несколько не нервничала; Джек же очень волновался. Когда лимузин свернул на Экзекутив-драйв, он поправил галстук-бабочку и пригладил волосы.

Охрана Белого дома тщательно осмотрела лимузин и тех, кто в нем находился; как обычно, все присутствующие мужчины и даже женщины подолгу задерживали взгляд на Дженнифер. Наклоняясь, чтобы поправить туфли на шпильках, она едва не вывалилась из платья стоимостью пять тысяч долларов, чем несказанно порадовала нескольких мужчин из числа обслуживающего персонала Белого дома. Затем они вошли в само здание и предъявили тисненные золотом приглашения сержанту морской пехоты, который проводил их по коридору и вверх по лестнице в Восточный зал.

* * *

– О черт! – Президент наклонился, чтобы взять текст своей сегодняшней речи, и плечо ему прострелила острая боль. – Глория, кажется, у меня задето сухожилие.

Глория Рассел сидела в одном из просторных кресел, обитых плюшем, которыми супруга президента обставила Овальный кабинет.

Вкус у первой леди определенно был – хотя и мало что помимо него. На нее было приятно смотреть, но по части интеллекта она особо не блистала. Никакой угрозы власти президента и солидный плюс при опросах общественного мнения.

Родословная у нее была безупречная: старые деньги, старые связи. Однако связи президента с консервативной аристократией, обладающей финансовым и политическим влиянием, ни в коей мере не повредили его популярности среди либерального контингента, в первую очередь благодаря его харизме и умению достигать консенсуса. А также привлекательной внешности, имевшей очень большое значение, хотя никому не хотелось в этом признаваться.

У успешного президента должен быть хорошо подвешен язык, а Алан Ричмонд числом точных ударов мог поспорить с Тедом Уильямсом⁸.

– Думаю, мне нужно показаться врачу.

Президент пребывал не в лучшем настроении, впрочем, как и Рассел.

– Алан, и как ты объяснишь ножевое ранение журналистам?

– Черт возьми, а куда же делась врачебная тайна?

Рассел только закатила глаза. Воистину он порой бывает просто непроходимо туп.

– Алан, ты подобен компании из списка «Форчун-пятьсот»⁹ – любая информация о тебе тотчас же становится общественным достоянием.

– Ну не вся...

– Это мы еще посмотрим, хорошо? Дело далеко не закончено, Алан.

С прошлой ночи Рассел уже выкурила три пачки сигарет и выпила два кофейника крепкого кофе. В любой момент ее карьера, весь их мир могли обрушиться. Стук полицейских в дверь... Рассел приходилось прилагать все силы, чтобы с криком не выбежать из комнаты. Тошнота постоянно волнами накатывалась на нее. Стиснув зубы, она вцепилась в подлокотники кресла. В сознании прочно засел образ полной катастрофы.

Президент пробежал взглядом текст, что-то запомнив, в остальном полагаясь на импровизацию; память у него была феноменальная, и он в полной мере использовал это качество.

– Вот почему ты у меня есть, Глория, ведь так? Чтобы все было хорошо.

Алан посмотрел на нее.

У Рассел мелькнула мысль, что он все знает. Знает, что она с ним сделала. Глория напряглась, но тотчас же расслабилась. Он ничего не знает, это просто невозможно. Она вспомнила пьяные разглагольствования президента: о, как способна изменить человека всего одна бутылка виски!

– Разумеется, Алан, однако необходимо принять кое-какие решения. Нужно выработать различные стратегии, которые будут зависеть от того, с чем мы столкнемся.

– Я не могу отменить намеченные дела. К тому же этот тип все равно ничего не сможет предпринять.

– Нельзя на это рассчитывать. – Рассел покачала головой.

– Сама подумай! Чтобы объяснить свое присутствие там, ему придется признаться в краже со взломом. Ты можешь себе представить, чтобы он заявился с этим на какой-либо новостной канал? Да его тотчас же отправят в психушку. – Президент покачал головой. – Я в полной безопасности. Этот тип не посмеет и пальцем меня тронуть, Глория. Тут не может быть никаких вопросов.

По дороге обратно в Вашингтон они выработали стратегию действий. Их позиция будет простой: категорическое отрицание. Если дело дойдет до того, пусть за них всю работу выполнит абсурдность обвинений. А история эта действительно абсурдная, несмотря на то, что она абсолютно правдивая. Белый дом сочувствует бедному неуравновешенному преступнику с буйной фантазией и его опозоренным родственникам.

Конечно, существовала и другая возможность, но Рассел решила пока не доводить это до президента. Больше того, она пришла к выводу, что это наиболее вероятный сценарий. И тогда ей придется действовать.

– Случалось и не такое. – Она выразительно посмотрела на президента.

– Там ведь навели полный порядок, правильно? Не оставили ничего, кроме нее? – В его голосе прозвучала тень тревоги.

---

⁸ Уильямс, Теодор (1918–2002) – один из лучших отбивающих в истории бейсбола.

⁹ «Форчун-500» – список пятисот крупнейших американских промышленных компаний, ежегодно публикуемый журналом «Форчун».

– Верно.

Рассел облизнула губы. Президент не знает, что нож для бумаги с его отпечатками пальцев и кровью теперь в руках у этого преступника-свидетеля.

Встав, она принялась расхаживать взад и вперед.

– Конечно, я не могу утверждать про определенные свидетельства сексуальной близости. Но это в любом случае не смогут привязать к тебе.

– Господи, да я даже не помню, было ли между нами хоть что-то! Мне кажется, было...

Услышав это замечание, Рассел не сдержала улыбку.

Обернувшись, президент посмотрел на нее.

– Что насчет Бёртона и Коллина?

– А что насчет них?

– Ты с ними говорила? – Смысл его слов не вызывал сомнения.

– Алан, им есть что терять – не меньше, чем тебе, разве не так?

– Чем *нам*, Глория, чем *нам*. – Он поправил перед зеркалом галстук. – Есть какие-нибудь указания на то, кто был этот любопытный зритель?

– Пока что нет; ребята пробивают номера его машины.

– Как ты думаешь, когда ее хватятся?

– Если погода будет стоять такая же теплая, думаю, скоро.

– Очень смешно, Глория.

– Кристи хватятся. Начнут выяснять, где она, свяжутся с ее мужем, заглянут к ней домой.

На следующий день, может быть, через два дня, максимум через три.

– И полиция займется расследованием.

– Тут мы ничего не можем поделать.

– Но ты будешь держать руку на пульсе, ведь так?

Президент озабоченно наморщил лоб, быстро перебирая различные сценарии. *Трахнул ли он Кристи Салливан? Хотелось надеяться, что трахнул. Тогда в той ночи будет, по крайней мере, хоть что-то хорошее.*

– Насколько это будет возможно, не вызывая особых подозрений.

– Тут как раз все просто. Ты сможешь использовать то, что Уолтер Салливан – мой близкий друг и политический соратник. И для меня совершенно естественна личная заинтересованность в ходе расследования. Тщательно все продумай, Глория, ведь именно за это я плачу тебе деньги.

«И ты спал с его женой, – подумала Рассел. – Хорош друг, нечего сказать!»

– Это обоснование уже приходило мне в голову, Алан.

Закурив сигарету, Глория медленно выпустила дым. Ей стало лучше. В этом деле она должна постоянно быть впереди президента. Всего на один маленький шаг, и тогда все будет в порядке. Добиться этого будет нелегко; Алан Ричмонд проницателен, но он также очень самонадеян. Как правило, самонадеянные люди переоценивают свои способности и недооценивают всех остальных.

– И никто не знал, что она встречалась с тобой?

– Полагаю, мы можем рассчитывать на то, что Кристи держала язык за зубами. Голова у нее была пустая, все ее достоинства находились чуточку пониже, но даже их ей хватало, чтобы разбираться в экономике. – Президент подмигнул главе своей администрации. – Она потеряла бы где-то восемьсот миллионов долларов, если б ее муж узнал, что она трахается на стороне, пусть даже с президентом.

Увидев двухстороннее зеркало и кресло, Рассел догадалась о необычных предпочтениях Уолтера Салливана по части зрелищ; но опять же, если взять связь, о которой он ничего не знал, за которой он не наблюдал, как знать, какой была бы его реакция? Слава богу, это не сам Салливан сидел там в темноте.

– Я тебя предупреждала, Алан, что рано или поздно твои любовные похождения обернутся большими неприятностями.

Ричмонд посмотрел на нее, всем своим видом выражая разочарование.

– Послушай, ты думаешь, что я первый из тех, кто занимает эту должность, у кого были связи на стороне? Не будь такой наивной, Глория, черт побери. По крайней мере, я гораздо осторожнее кое-кого из своих предшественников. Я принимаю на себя все тяготы своей работы... и все вытекающие из нее преимущества. Понятно?

Рассел нервно потерла шею.

– Понятно, господин президент.

– Итак, это одиночка, который ничего не сможет предпринять.

– Всего один человек способен разрушить карточный домик.

– Вот как? Ну а в этом домике живет много народу. Хорошенько помни об этом.

– Помню, шеф, каждый божий день.

Раздался стук в дверь. В кабинет заглянул помощник Рассел.

– Осталось пять минут, сэр.

Кивнув, президент махнул рукой, отпуская его.

– Лучшего времени для этой презентации нельзя было выбрать.

– Рэнсом Болдуин делал щедрые пожертвования на твою кампанию, как и все его друзья.

– Милочка, можешь не объяснять мне, что такое платить по политическим долгам.

Встав, Рассел подошла к нему, взяла его здоровую руку и пристально всмотрелась ему в лицо. На левой щеке у президента был маленький шрам – память об осколке, оставшаяся со времени недолгой службы в армии в самом конце войны во Вьетнаме. Когда политическая карьера Алана Ричмонда пошла в гору, все женщины сошлись в том, что этот маленький изъян здорово повышает его привлекательность. Вот и сейчас Рассел поймала себя на том, что не может оторвать взгляд от шрама.

– Алан, я сделаю все возможное, чтобы защитить твои интересы. Ты пройдешь через все это, но нам необходимо работать сообща. Мы команда, Алан, и чертовски хорошая. Нас никто не свалит, если мы будем действовать вместе.

Президент мельком взглянул на Глорию, после чего вознаградил ее той улыбкой, которая обыкновенно сопровождала заголовки на первых полосах газет. Чмокнув Рассел в щеку, он привлек ее к себе; та прильнула к нему.

– Я люблю тебя, Глория. Ты – настоящий боец. – Президент взял текст речи. – Пора выходить на сцену.

Развернувшись, он вышел. Какое-то время Рассел смотрела на его широкую спину, затем осторожно потерла щеку и поспешила следом за ним.

* * *

Джек обвел взглядом хваленое изыщество огромного Восточного зала. В этом помещении присутствовали многие из самых влиятельных людей страны. Повсюду вокруг плелись искусные сети, и Грэму оставалось лишь стоять и глазеть по сторонам. В противоположном конце зала он увидел свою невесту, загнавшую в угол конгрессмена от какого-то западного штата, вне всякого сомнения, добиваясь от примерного законодателя содействия в получении для «Болдуин энтерпрайзез» эксклюзивного права на использование прибрежных вод.

Дженнифер Болдуин посвящала много времени тому, чтобы получать доступ к властям всех уровней, от членов совета какого-нибудь захудалого округа до председателей комиссий Сената. Она умело подыгрывала самолюбию, подкармливала кого нужно, следя за тем, чтобы все важные игроки были на месте, когда «Болдуин энтерпрайзез» пожелает проверить очередную циклопическую сделку. И то, что за последние пять лет доходы отцовской ком-

пании удвоились, произошло в значительной степени благодаря мастерству Дженнифер в этой области. И правда, какой мужчина рядом с ней мог считать себя в полной безопасности?

Рэнсом Болдуин, шести футов пяти дюймов роста, с густой седой шевелюрой и глубоким баритоном, обходил зал, крепко пожимая руку тем политикам, которые уже принадлежали ему с потрохами, и улыбаясь тем, которые еще не принадлежали.

К счастью, сама церемония вручения премии прошла быстро. Джек украдкой взглянул на часы. Скоро ему нужно возвращаться в офис. Дженнифер мимоходом упомянула про ужин для избранных, который начнется в одиннадцать вечера в отеле «Уиллард». Джек потер лицо. Вот незадача, твою мать!

Он уже собирался отвести Дженнифер в сторону и объяснить ей, что ему придется откланяться пораньше, но тут к ней подошел президент, к ним присоединился ее отец, и все трое направились к Джеку.

Поспешно поставив недопитый коктейль на стол, Грэм откашлялся, чтобы не быть похожим на полного дурака, когда у него изо рта полезут, спотыкаясь, слова. Дженнифер и ее отец болтали с президентом, как старые друзья. Шутили, смеялись, трогали его за локоть, словно это был кузен Нэд из Оклахомы. Но только это был не кузен Нэд, это был президент Соединенных Штатов, во имя всего святого!

– Значит, вот он, счастливчик? – мило улыбнулся президент.

Они с Джеком пожали друг другу руки. Президент был одного с ним роста, и Грэм с восхищением отметил то, что при такой работе он оставался стройным и подтянутым.

– Джек Грэм, господин президент. Для меня большая честь познакомиться с вами.

– У меня такое чувство, Джек, будто я уже давно вас знаю. Дженнифер столько о вас рассказывала... – Президент хитро улыбнулся. – По большей части хорошее.

– Джек – партнер в фирме «Паттон, Шоу и Лорд». – Дженнифер не выпускала руку президента. Посмотрев на Джека, она кокетливо улыбнулась.

– Ну, Дженн, еще не партнер.

– Это лишь вопрос времени, – прозвучал зычный голос Рэнсома Болдуина. – Имея такого клиента, как «Болдуин энтерпрайзес», можно называть свою цену в любой фирме в стране. Не забывай об этом. Не позволяй Песчаному человеку¹⁰ запорошить тебе глаза.

– Слушайте его, Джек. Это голос опыта.

Президент поднял свой стакан и тотчас же резко его опустил. Дженнифер отпрянула, выпуская его руку.

– Извините, Дженнифер. Переусердствовал с теннисом. Проклятая рука снова доставляет проблемы... Что ж, Рэнсом, похоже, у вас отличный протекже.

– Проклятье, чтобы стать во главе империи, ему придется сразиться с моей дочерью. Быть может, Джек станет королевой, а королем будет Дженн... Как вам такое равноправие? – Рэнсом громко рассмеялся, и все вокруг присоединились к нему.

Грэм почувствовал, что заливается краской.

– Я лишь юрист, Рэнсом; я вовсе не претендую на то, чтобы занять свободный трон. В жизни есть много всего другого.

Он взял со стола свой коктейль. Все проходило совсем не так, как ему хотелось бы. Джеку стало не по себе. Он с хрустом разгрыз кубик льда. А что Рэнсом Болдуин в действительности думает о своем будущем зяте? Особенно прямо сейчас? Однако на самом деле Джеку было все равно.

Перестав смеяться, Рэнсом смерил его взглядом. Дженнифер склонила голову набок, как делала тогда, когда Джек, с ее точки зрения, говорил что-то неподобающее, то есть практиче-

---

¹⁰ Песчаный человек – сказочное существо, которое сыплет детям песок в глаза, навевая сон.

ски всегда. Все это не укрылось от внимания президента. Улыбнувшись, он извинился и направился в угол, где стояла женщина.

Грэм проводил его взглядом. Эту женщину он видел по телевизору, когда она защищала позицию президента по самым разным вопросам. В настоящий момент Глория Рассел выглядела не слишком радостной; но если вспомнить, сколько в современном мире проблем, наверное, при ее работе радоваться ей доводится нечасто.

Но это все так, пустяки. Он, Джек Грэм, встретился с президентом, обменялся с ним рукопожатием. Ему хотелось надеяться, рука у президента пройдет. Он отвел Дженнифер в сторону и принес свои извинения. Та несколько не обрадовалась.

– Джек, это совершенно неприемлемо. Ты хоть понимаешь, насколько особенный день сегодня у папы?

– Послушай, я всего-навсего наемный работник. Понимаешь? Живу на зарплату.

– Это же чушь какая-то! И всё ты прекрасно понимаешь! Никто в фирме не может требовать от тебя такого, особенно какой-то ничтожный кандидат!

– Дженн, ничего страшного не случится. Я замечательно провел время. Твой отец получил свою награду. Теперь пора возвращаться к работе. Алвис – нормальный парень. Да, он загружает меня работой, но и сам работает ничуть не меньше, а то и больше меня. Всем приходится вкалывать по полной.

– Это несправедливо, Джек. Мне так неудобно.

– Дженн, это моя работа. Я сказал, что все будет в порядке, значит, тебе нечего беспокоиться. Увидимся завтра. Я поймаю такси.

– Папа будет очень расстроен.

– Твой отец даже не хватится... Слушай, выпейте там за меня. И помнишь, что ты сказала насчет «потом»? Я поймал тебя на слове. Может, для разнообразия встретимся у меня?

Дженнифер позволила поцеловать себя. Но как только Джек ушел, она бросилась к отцу.

Глава 5

Кейт Уитни свернула на стоянку перед своим домом. Не обращая внимания на сумку с продуктами, бьющую по одной ноге, и пухлый портфель, бьющий по другой, она легко взбежала по лестнице на четвертый этаж. В жилых зданиях такой ценовой категории лифты есть, просто работают они нерегулярно.

Быстро переодевшись в спортивный костюм, Кейт проверила сообщения на автоответчике и снова отправилась на улицу. Размяв и потянув затекшие длинные конечности перед памятником Улиссу С. Гранту, она начала пробежку.

Кейт направилась на запад, мимо Музея авиации и космонавтики, затем вдоль Смитсоновского замка¹¹ с его башенками и зубцами в духе итальянской архитектуры двенадцатого столетия, больше всего напоминающего обитель сумасшедшего ученого. Легкие, размеренные движения привели ее к Променаду в самом его широком месте, после чего Кейт дважды обегала вокруг обелиска Вашингтона.

Дыхание ее несколько участилось; просочившийся сквозь футболку пот выступил пятнами на толстовке с эмблемой юридического факультета Джорджтаунского университета. По мере того как Кейт приближалась к Приливной бухте, народу становилось все больше. Наступившая осень доставляла в город изо всех концов страны заполненными до отказа самолетами, автобусами и машинами тех, кто хотел избежать летнего наплыва туристов и печально знаменитой washingtonской жары.

Увернувшись от разинувшего рот ребенка, Кейт столкнулась с другим бегуном, бежавшим навстречу. Оба не удержались на ногах и упали.

– Проклятье!

Быстро откатившись в сторону, мужчина вскочил на ноги. Кейт начала вставать, подняла на него взгляд, готовая принести извинения, и тотчас же снова опустилась на землю. Так она сидела какое-то время, а вокруг плясали вооруженные фотоаппаратами жители Арканзаса и Айовы.

– Привет, Кейт.

Протянув руку, Джек помог ей встать и проводил к сбросившим свой наряд вишням, растущим по берегам Приливной бухты. Напротив возвышался величественный мемориал Джефферсона, отделенный водной гладью, и внутри ротонды отчетливо была видна фигура третьего президента страны.

У Кейт распухла лодыжка. Сняв кроссовку и носок, она принялась растирать ушибленное место.

– Никак не думала, Джек, что у тебя осталось время на пробежки.

Кейт окинула его оценивающим взглядом: ни залысины, ни брюшка, ни морщин на лице. Для Джека Грэма время остановилось. Кейт была вынуждена признать, что выглядел он бесподобно. Она же, напротив, являла собой полную и абсолютную катастрофу.

Кейт мысленно выругала себя за то, что не сделала себе ту прическу, затем снова выругала себя, что подумала об этом. У нее по носу скатилась капелька пота, и она смахнула ее раздраженным движением руки.

– А я думал то же самое про тебя. Никак не предполагал, что прокуроров отпускают домой раньше полуночи... Бездельничаешь?

– Точно.

---

¹¹ Смитсоновский институт (его главное здание часто называют Замком) – научно-исследовательский и образовательный институт в США и принадлежащий ему комплекс музеев. Основан в 1846 г.

Кейт снова растерла лодыжку; боль становилась сильной. Увидев это, Джек наклонился и взял ногу Кейт обеими руками. Та вздрогнула. Он посмотрел ей в лицо.

– Помнишь, я, можно сказать, зарабатывал этим на жизнь, а ты была моим лучшим и единственным клиентом? Я никогда не встречал женщин с такими хрупкими лодыжками. А во всем остальном ты выглядишь такой здоровой.

Расслабившись, Кейт позволила ему заняться лодыжкой, а затем и ступней и вскоре поняла, что Джек не растерял свое мастерство. Что он имел в виду, говоря, что она выглядит здоровой? Кейт нахмурилась. В конце концов, это она его бросила. И поступила совершенно правильно. Разве не так?

– Я слышала насчет «Паттон, Шоу и Лорд». Прими мои поздравления.

– Ерунда. Любой мало-мальски грамотный юрист, обслуживающий многомиллионных клиентов, добился бы того же самого.

– Да, и о помолвке я тоже читала в газете. Двойные поздравления.

Джек даже не улыбнулся. Кейт захотелось узнать почему.

Молча натянув на ногу носок и надев кроссовку, он посмотрел ей в лицо.

– Ты не сможешь бегать день-два, лодыжка сильно распухла. У меня рядом машина. Я тебя подброшу.

– Просто возьму такси.

– Ты предпочитаешь мне вашингтонского таксиста? – изобразил оскорбленность Джек. – К тому же я не вижу в твоей форме карманов. Ты собираешься упрашивать, чтобы тебя отвезли бесплатно? Удачи тебе.

Кейт посмотрела на свои шорты. Ключ лежал у нее в носке. Джек уже обратил внимание на характерную выпуклость. Он улыбнулся, поняв ее дилемму. Поджав губы, Кейт провела языком по нижней. Джек хорошо помнил эту привычку по прошлому. Хотя он уже несколько лет не видел этот жест, внезапно ему показалось, что он никуда не уходил.

Джек встал.

– Я бы одолжил тебе, но у меня тоже пусто.

Встав, Кейт положила руку ему на плечо и попробовала опереться на больную ногу.

– А я полагала, за частную практику платят лучше...

– Тут ты права. Просто я никогда не умел обращаться с деньгами. Ты же знаешь.

Что верно, то верно: бухгалтерию всегда вела Кейт. Правда, тогда и вести-то особенно было нечего.

Держась рукой за Джека, она кое-как дохромала до его машины, десятилетнего универсала «Субару», и изумленно уставилась на него.

– Ты так и не избавился от этой развалюхи?

– Слушай, старушка еще проедет много миль. К тому же она полна воспоминаний. Видишь вот это пятно? Оно от твоего мороженого, сливочного с карамелью, в стаканчике. Восемьдесят шестой год, вечер накануне моего экзамена. Ты не могла заснуть, я больше не мог заниматься... Помнишь? Ты повернула слишком быстро.

– У тебя очень плохая избирательная память. А я вот помню, как ты вылил мне на спину свой молочный коктейль, потому что я пожаловалась на жару.

– Да, и это тоже было!

Они со смехом сели в машину.

Кейт изучила пятно более внимательно, окинула взглядом салон. Прошлое накатило на нее большими, тяжелыми волнами. Она оглянулась на заднее сиденье. Брови у нее взметнулись вверх. Если б только это место могло говорить! Обернувшись, Кейт увидела, что Джек смотрит на нее, и поймала себя на том, что залилась краской.

Они въехали в редкий поток машин и направились на восток. Кейт нервничала, но при этом не чувствовала себя неуютно, словно все это происходило четыре года назад и они с Дже-

ком просто запрыгнули в машину, чтобы смотаться за кофе, за свежей газетой или позавтракать на «Углу» в Шарлоттсвилле или в одном из кафе, разбросанных вокруг Капитолийского холма. Но ей пришлось напомнить себе, что с тех пор прошли годы. Это осталось в прошлом. А настоящее было совершенно другим. Кейт чуть опустила стекло.

Джек одним глазом следил за дорогой, другим наблюдал за Кейт. Эта встреча не была случайной. Кейт бегала по Променаду – точнее, одним и тем же маршрутом – с тех самых пор, как они перебрались в Вашингтон и поселились в маленьком доме без лифта неподалеку от Восточного рынка.

Сегодня утром Джек проснулся в таком отчаянии, какое не испытывал с тех пор, как Кейт четыре года назад ушла от него, когда до него где-то через неделю вдруг дошло, что она больше не вернется. И вот сейчас, когда впереди маячила свадьба, Грэм решил, что ему просто необходимо повидаться с Кейт. Он не мог, не хотел дать этому огоньку погаснуть – по крайней мере пока что. Весьма вероятно, из них двоих он один чувствовал, что сохранилась хоть какая-то искорка. И пусть у него не хватило мужества оставить ей сообщение на автоответчике; он решил, что, если так пожелает судьба, они с Кейт встретятся на Променаде, среди толп туристов и местных жителей. На том он и остановился.

До того как они с Кейт столкнулись, Джек бегал больше часа, всматриваясь в толпу, ища лицо с фотографии в рамке. Он заметил Кейт за пять минут до их столь резкой встречи. Если бы частота его пульса уже не удвоилась вследствие физической нагрузки, это произошло бы в то самое мгновение, когда он увидел ее, бегущую легко и свободно. Джек не собирался причинять Кейт физическую травму; однако именно из-за растянутых связок голеностопа она сейчас сидела в его машине, именно поэтому он вез ее домой.

Забрав волосы назад, Кейт сделала хвостик с помощью резинки, которая была у нее на руке.

– Ну как твоя работа?

– Нормально. – У него не было никакого желания говорить о работе. – Как твой старик?

– Тебе это знать лучше, чем мне. – Кейт не хотела говорить о своем отце.

– Я не видел его с тех пор, как...

– Тебе повезло.

Она погрузилась в молчание.

Джек покачал головой, дивясь на себя: ну как у него хватило ума завести разговор о Лютере! Да, он надеялся на то, что за эти годы отец и дочь восстановят отношения... Очевидно, этого не произошло.

– Я слышал о тебе в прокуратуре потрясающие вещи.

– Точно.

– Я серьезно.

– С каких это пор?

– Все рано или поздно взрослеют, Кейт.

– Только не Джек Грэм. Пожалуйста, господи, не надо!

Свернув на Конститушн-авеню, Джек направился к вокзалу Юнион. И спохватился. Он знал, куда ехать, но не хотел делиться этим с Кейт.

– Кейт, я тут заплутал. Куда дальше?

– Извини. Вокруг Капитолия, по Мэриленд и налево на Третью улицу.

– Тебе нравится этот район?

– При моей зарплате очень даже нравится. Дай-ка я сама догадаюсь... Ты, наверное, живешь в Джорджтауне, правильно? В одном из тех больших федеральных особняков с комнатой для прислуги, так?

Грэм пожал плечами.

– Я никуда не переезжал. Живу там же.

Кейт удивленно уставилась на него.

– Джек, что ты делаешь со всеми своими деньгами?

– Я покупаю все, что хочу; просто желания у меня скромные. – Он посмотрел ей в глаза. – Слушай, как насчет стаканчика сливочного мороженого с карамелью?

– В этом городе такой больше не купишь, я уже пыталась.

Усмехнувшись, Джек развернулся под сердитые сигналы других водителей и помчался в обратную сторону.

– Похоже, ваша честь, вы старались не слишком усердно.

* * *

Полчаса спустя Джек свернул к стоянке перед домом Кейт. Обойдя вокруг машины, он помог ей выйти. Лодыжка распухла еще больше. От рожка сливочного мороженого почти ничего не осталось.

– Я помогу тебе подняться наверх.

– Ты и так потратил на меня уже много времени.

– Это я повредил тебе лодыжку. Помогите мне хотя бы частично искупить свою вину.

– Джек, не надо.

Грэм узнал этот тон даже по проществу четырех лет. Виновато улыбнувшись, он отступил назад. Кейт стала медленно подниматься по лестнице. Джек уже садился в машину, когда она обернулась.

– Джек!

Он поднял взгляд.

– Спасибо за мороженое.

Она скрылась в подъезде.

Отъезжая от дома, Грэм не увидел мужчину, стоящего в рощице у въезда на стоянку.

Выйдя из тени деревьев, Лютер посмотрел на здание.

За два дня его внешность разительно изменилась. К счастью, борода у него отрастала быстро. Волосы были коротко подстрижены, а то, что осталось, накрыла шляпа. Черные очки скрывали его пронизательные глаза, а поджарое тело спряталось под мешковатым пальто.

Лютер надеялся перед отъездом еще раз увидеть дочь. Он был потрясен, увидев Джека; но, впрочем, это было к лучшему. Парень ему всегда нравился.

Он плотнее укутался в пальто. Ветер усиливался, погода стояла холоднее, чем бывает обыкновенно в Вашингтоне в это время года. Лютер посмотрел на окно квартиры дочери.

Квартира номер четырнадцать. Уитни хорошо ее знал; он даже несколько раз бывал в ней (разумеется, без ведома дочери). Для него стандартный замок во входной двери был детской игрушкой; кому-нибудь потребовалось бы больше времени, чтобы отпереть его ключом. Лютер садился в кресло в гостиной и смотрел на сотни разных предметов, каждый из которых нес в себе годы воспоминаний, иногда хороших, но по большей части разочаровавших его.

Иногда Лютер просто закрывал глаза и изучал все запахи, присутствующие в воздухе. Он знал, какими духами пользуется Кейт, – неброскими, и совсем чуть-чуть. Мебель была громоздкая, прочная и порядочно изношенная. В холодильнике, как правило, царила пустота. Лютер морщился при виде содержимого шкафчиков, скудного и нездорового. Кейт содержала все аккуратно, но не в образцовом порядке; квартира выглядела жилой, какой и должна была выглядеть.

И ей очень много звонили. Лютер слушал, как некоторые из звонивших оставляли сообщения на автоответчике, и ему хотелось, чтобы дочь выбрала другую жизненную стезю. Сам будучи преступником, он прекрасно знал, как много по ту сторону закона самых настоящих

уродов. Но сейчас было уже слишком поздно советовать своему единственному ребенку менять профессию.

Лютер понимал, что у него странные отношения с дочерью; впрочем, он считал, что заслужил это. Перед глазами у него частенько появлялся образ его жены: эта женщина любила его и все эти годы была рядом; и ради чего? Ради боли и унижений. А затем – ранняя смерть, после того как она все-таки одумалась и развелась с ним. Лютер снова задумался, уже в сотый раз, почему он продолжал заниматься преступной деятельностью. Определенно, дело было не в деньгах. Уитни всегда жил просто; значительную часть своей добычи он просто отдавал. Образ жизни, который он для себя выбрал, свел в могилу его жену и прогнал дочь. И в сотый раз Лютер так и не нашел ответа на вопрос, почему он продолжал воровать у богатых, бдительно защищающих свою собственность. Быть может, только ради того, чтобы доказать, что он это может?

Лютер снова посмотрел на окно квартиры дочери. Он не был рядом с ней в трудную минуту; почему она должна в трудную минуту быть рядом с ним? Но Уитни не мог полностью разорвать узы, даже несмотря на то, что Кейт смогла это сделать. Если она захочет, он придет к ней, однако Лютер понимал, что этого никогда не произойдет.

Наконец он ушел, торопясь сесть на автобус до станции метро у Центрального вокзала. Уитни всегда стремился быть независимым, никогда не полагаясь в сколько-нибудь существенных вопросах на других. Он был одиночкой, и прежде ему это нравилось. Но сейчас Лютер чувствовал себя слишком одиноким, и теперь это чувство уже не доставляло ему особого уюта.

Начался дождь, и Лютер прильнул к заднему окну автобуса, петляющего к огромному железнодорожному вокзалу, спасенному от небытия амбициозным проектом создания крупного торгового центра. Вода струилась по гладкой поверхности стекла, скрывая пеленой то место, где он только что был. Уитни очень хотелось вернуться, но теперь обратной дороги больше не было.

Повернувшись вперед, Лютер натянул шляпу и высморкался в носовой платок. Взяв забытую газету, пробежал взглядом старые заголовки, в который раз гадая: когда ее найдут. Когда это произойдет, он тотчас же узнает – весь город узнает, что Кристина Салливан убита. Когда убивают богатых, это попадает на первые полосы газет. Бедняки, простые люди оказываются где-нибудь на предпоследней странице, между спортивным разделом и объявлениями. Кристи Салливан, вне всякого сомнения, удостоится первой страницы, в самом центре.

Бросив газету на пол, Лютер сгорбился на сиденье. Ему нужно встретиться с адвокатом, после чего он исчезнет. Автобус покачивался, ворча двигателем, и Уитни наконец закрыл глаза. Но он не спал. Сейчас он снова сидел в гостиной у дочери, и на этот раз Кейт была рядом с ним.

Глава 6

Лютер сидел за маленьким столом в очень скудно обставленной комнате. Стулья и стол – старые, испещренные тысячами царапин, ковер – такой же древний и не очень чистый. На столе, помимо папки с документами Лютера, не было ничего, кроме стопки визитных карточек. Лютер взял одну из них и прочитал: «Компания “Юридические услуги”». Эти люди были отнюдь не лучшими в своей профессии; им далеко до тех, кто ворочал миллионами в центре города. Выпускники третьеразрядных юридических колледжей, не имеющие надежды устроиться в солидную фирму, они влачили свое профессиональное существование в надежде на то, что им подвернется удача. Но с каждым годом их мечты о больших офисах, больших клиентах и, самое главное, больших деньгах потихоньку угасали. Однако Лютеру не нужны были лучшие из лучших. Ему требовался кто-нибудь, все равно кто, с дипломом о юридическом образовании и нужными бумагами.

– Всё в порядке, мистер Уитни.

На вид парню, полному надежд и энергии, было лет двадцать пять. Это место – не конечная точка его пути, он все еще искренне в это верил. На усталом, дряблом, осунувшемся лице мужчины постарше у него за спиной такой надежды больше не просматривалось.

– Это Джерри Бернс, старший поверенный; он будет вторым свидетелем вашего завещания. Мы выдадим вам заверенную справку, и нам не придется представлять перед судом, подтверждая, что мы засвидетельствовали ваше завещание.

Появилась строгая женщина лет сорока с хвостиком, с ручкой и нотариальной печатью.

– Это Филлис, наш нотариус, мистер Уитни.

Все сели.

– Вы хотите, чтобы я зачитал условия вашего завещания?

Джерри Бернс сидел за столом, уставившись в пустоту, мечтая обо всех тех местах, где он предпочел бы оказаться, всем своим видом показывая, что ему это до смерти надоело. Джерри Бернс, старший поверенный. Пожалуй, он с большим удовольствием кидал бы вилами навоз где-нибудь на ферме на Среднем Западе. Сейчас он с нескрываемым презрением посмотрел на своего младшего коллегу.

– Я его уже прочитал, – ответил Лютер.

– Вот и чудесно, – сказал Джерри Бернс. – В таком случае начнем.

Через пятнадцать минут Лютер вышел из «Юридических услуг» с двумя экземплярами своего завещания, составленными по всей форме, засунув их в карман пальто.

Долбанные юристы, без них нельзя поссать, пострать или умереть. Это все потому, что все законы составлены юристами. Они держат всех остальных людей за причинное место. Тут Лютер подумал о Джеке и улыбнулся. Джек – другой. Затем он подумал о своей дочери, и улыбка погасла. Кейт тоже не такая. Но Кейт его ненавидит.

Заглянув в магазин фотопринадлежностей, Уитни купил фотоаппарат «Полароид» и кассету с фотобумагой. Он не собирался доверять кому бы то ни было печать тех фотографий, которые намеревался снимать. Затем вернулся в гостиницу. Через час у него были готовы десять снимков. Завернутые в бумагу и положенные в плотный конверт, они отправились на дно его рюкзака.

Сев у окна, Лютер долго смотрел на улицу. Прошел почти час, прежде чем он наконец встал, подошел к кровати и рухнул на нее. Всему есть свои пределы. Он не настолько бесчувственный, чтобы его не тронула чужая смерть, не ужаснуло событие, лишившее жизни человеческое существо, которое могло бы еще жить и жить. И в довершение ко всему, не нужно было забывать о том, что во всем этом замешан президент Соединенных Штатов. Человек, которого Лютер уважал, за которого отдал свой голос на выборах. Человек, занимающий самый высокий

пост в стране, едва не убил женщину своими пьяными руками. Даже если б Лютер стал свидетелем того, как его ближайший родственник хладнокровно раскроил кому-нибудь голову, он не был бы так потрясен. Ему казалось, это он сам подвергся насилию, это ему в горло вцепились руки убийцы.

Но ему не давало покоя еще что-то. Нечто такое, на что он не смел взглянуть прямо. Уткнувшись лицом в подушку, Лютер закрыл глаза в тщетной попытке заснуть.

* * *

– Это просто замечательно, Дженн!

Джек смотрел на особняк из кирпича и камня, простирающийся от края до края больше чем на двести футов, комнат в котором было больше, чем в общежитии колледжа, и недоумевал, с какой стати они вообще здесь. Петляющая дорожка привела к гаражу на четыре машины, расположенному позади внушительного сооружения. Газоны были такими идеально ухоженными, что Джеку показалось, будто он видит перед собой огромный изумрудно-зеленый бассейн. Лужайка за домом спускалась тремя террасами, и каждая из них представляла собой отдельный бассейн. Здесь имелся полный набор игрушек для очень богатых: теннисные корты и конюшни и целых двадцать акров для прогулок – настоящая империя по меркам северной части Вирджинии.

Риелтор ждала у входной двери, оставив свой «Мерседес» последней модели у большого каменного фонтана с вырезанными из гранита розами размером с кулак. Она торопливо подсчитывала и пересчитывала доллары, которые получит в качестве комиссии. Ну разве они не потрясающая молодая пара? Риелтор повторяла это так часто, что у Джека заболели виски.

Дженнифер Болдуин взяла его за руку, и через два часа экскурсия завершилась. Грэм подошел к краю просторной лужайки и восхитился вслух густой рощей, в которой боролась за господство эклектичная подборка вязов, елей, кленов, сосен и дубов. Осень была в самом разгаре, и по всей территории поместья Джек видел пляску красных, желтых и оранжевых пятен.

– Так сколько это стоит?

Он чувствовал, что ему полагается задать этот вопрос. Но им это явно не по карману. По крайней мере, ему точно не по карману. Джек вынужден был признать, что место очень удобное: всего сорок пять минут до его офиса в час пик. Но им нечего даже думать о покупке чего-либо подобного. Джек выжидающе посмотрел на свою невесту.

Та нервно теребила локон.

– Три восемьсот.

У Джека посерело лицо.

– Три миллиона восемьсот тысяч? Долларов?

– Джек, оно стоит втрое больше.

– В таком случае почему, черт возьми, его продают за три восемьсот? Дженн, мы не можем себе это позволить. Даже не думай.

Вместо ответа Дженн, закатив глаза, помахала рукой риелтору, которая сидела в машине, составляя контракт.

– Дженн, я зарабатываю сто двадцать тысяч в год. Ты зарабатываешь примерно столько же, может быть, чуть больше.

– Когда ты станешь партнером...

– Правильно, мое жалованье вырастет, но не настолько. Мы не можем позволить себе платить по ипотеке. И вообще, я полагал, мы переедем к тебе.

– Для супружеской пары мой дом не подходит.

– Не подходит? Да это же настоящий дворец, твою мать!

Подойдя к скамейке, покрашенной зеленым под цвет листвы, Джек сел. Дженн встала прямо перед ним, с решительным видом скрестив руки на груди. Ее летний загар начинал сходить. Из-под кремово-коричневой фетровой шляпы ниспадали на плечи длинные волосы. Идеально скроенные брюки подчеркивали изящные формы. Лакированные сапожки облегали ноги и скрывались под штанинами.

– Мы не будем брать ипотеку, Джек.

– Неужели? – Он удивленно поднял взгляд. – Что, нам отдадут этот дом даром, потому что мы потрясающая молодая пара?

Дженнифер замялась, затем сказала:

– Папа платит наличными, а мы потом ему вернем.

Грэм этого ждал.

– Вернем? Черт побери, Дженн, как мы вернем ему такую огромную сумму?

– Папа предложил очень щадящую рассрочку, с учетом наших будущих доходов. Во имя всего святого, Джек, я могла бы заплатить за этот дом накопившимися процентами на один из своих вкладов, но я знаю, что ты будешь против. – Она под села к нему. – Я полагала, что если мы поступим так, тебе будет лучше. Я прекрасно понимаю, как ты относишься к деньгам Болдуинов. Мы *обязательно* расплатимся с папой. Это не подарок. Это заем *под процент*. Я продам свой дом. Надеюсь, я выручу за него восемь сотен чистыми. Ты тоже вложишь какую-то сумму. Это не бесплатная прогулка. – Дженнифер игриво ткнула длинным пальцем ему в грудь, подчеркивая свою мысль, и оглянулась на дом. – Он прекрасен, Джек, ты не согласен? Мы будем здесь счастливы. Нам предназначено жить здесь самой судьбой.

Грэм скользнул по фасаду здания невидящим взором. В каждом окне ему мерещилась Кейт Уитни.

Стиснув ему руку, Дженнифер прильнула к нему. Боль у Джека в голове усилилась, выйдя в красную зону. Его мозг наотрез отказывался функционировать. Во рту пересохло, конечно-сти затекли. Осторожно высвободив руку, он встал и молча направился к машине.

Какое-то время Дженнифер сидела на скамейке, и главным чувством, отражающимся у нее на лице, было изумление. Затем она в гневе встала и последовала за Джеком.

Риелтор, внимательно наблюдавшая за разговором из своего «Мерседеса», перестала составлять контракт и недовольно поджала губы.

* * *

Рано утром Лютер вышел из маленькой гостиницы, затерявшейся в беспорядочно застроенном жилом пригороде к северо-западу от Вашингтона. Поймав такси, он попросил отвезти его к центральной станции метро, кружной дорогой, поскольку ему якобы хотелось посмотреть достопримечательности Вашингтона. Просьба эта нисколько не удивила таксиста, и тот поехал маршрутом, который ему предстояло повторить еще тысячу раз до официального завершения туристического сезона, если в этом городе туристический сезон вообще когда-либо завершается.

Небо грозило пролиться дождем, однако всякое могло случиться. Непредсказуемая погода кружилась и металась по региону, или обходя Вашингтон стороной, или ударяя по нему в полную силу, прежде чем уйти в сторону Атлантического океана. Лютер поднял взгляд на мрак, проникнуть сквозь который не удавалось недавно взошедшему солнцу.

Будет ли он жив через полгода? Возможно, нет. Его могут найти, даже несмотря на принятые меры предосторожности. Но он намеревался в полной мере насладиться тем временем, которое ему осталось.

Метро доставило Лютера к Национальному аэропорту Вашингтона. Оттуда он добрался на автобусе до главного терминала. Уитни уже зарегистрировался на рейс «Американ эйр-

лайнс» до Далласа; там он сделает пересадку и вылетит в Майами, где переночует, после чего еще один самолет доставит его в Пуэрто-Рико, а уже оттуда он отправится на Барбадос, конечную точку своего пути. За все было заплачено наличными; судя по паспорту, он был Артуром Ланисом, шестидесяти пяти лет, проживающим в Мичигане. У Лютера было с полдюжины таких документов, профессионально изготовленных, выглядящих солидно, но абсолютно «липовых». Этот паспорт, действительный еще в течение восьми лет, показывал, что его обладатель много путешествует.

Устроившись в зале ожидания, Лютер притворился, будто изучает газету. В зале было многолюдно и шумно – типичный рабочий день загруженного аэропорта. Время от времени Уитни поднимал взгляд над газетой, проверяя, не обращает ли кто-либо на него особое внимание, но не замечал ничего необычного. А поскольку занимался он этим достаточно долго, что-нибудь обязательно щелкнуло бы, если б у него возникли причины для беспокойства. Объявили посадку на его рейс; Лютер получил посадочный талон и поднялся по трапу на борт воздушного судна, которое через три часа должно было доставить его в сердце Техаса.

Рейс «Американ эйрлайнс» из Вашингтона в Даллас считается загруженным, но, как это ни странно, место рядом с Лютером оказалось свободным. Сняв пальто, он положил его на кресло, тем самым предъявляя на него свои права, и, устроившись поудобнее, выглянул в иллюминатор.

Когда самолет покати по рулежной дорожке, готовясь к взлету, Лютер различил кончик обелиска Вашингтона, торчащий из густого клубящегося тумана. Всего в миле от этой точки его дочь вскоре отправится на работу, в то время как ее отец поднимется в облака, чтобы начать новую жизнь чуть раньше запланированного, и не совсем ту, о которой он мечтал.

Оторвавшись от земли, лайнер быстро набрал высоту, и Лютер долго смотрел вниз на извивающийся Потомак, пока река наконец не осталась далеко позади. Мысли его ненадолго переключились на давно умершую жену, после чего снова вернулись к живой и здоровой дочери.

Подняв взгляд на улыбающееся деловитое лицо стюардессы, Лютер заказал кофе и через минуту получил простой завтрак. Выпив горячий напиток, он прикоснулся к стеклу иллюминатора, покрытому причудливыми разводами. Вытерев стекло, обнаружил, что у него влажные глаза. Он быстро оглянулся вокруг: остальные пассажиры заканчивали завтракать или уже дремали, коротая время до посадки.

Подняв откидной столик, Лютер расстегнул ремень и отправился в туалет. Там посмотрел на себя в зеркало. Глаза у него были красными, под ними нависли тяжелые мешки. За последние тридцать шесть часов он заметно постарел.

Плеснув себе в лицо водой, Уитни подождал, когда капельки соберутся вокруг рта, и плеснул еще раз. Затем вытер глаза. Они горели. Прислонившись к крохотной раковине, Лютер постарался унять дрожь в руках.

Какие бы усилия воли он ни предпринимал, его мысли возвращались к той комнате, где у него на глазах жестоко избили женщину. Президент Соединенных Штатов был пьяницей, развратником и бил женщин. Он улыбался перед объективами камер, целовал маленьких детей и обхаживал старушек, завораживая их своим обаянием, проводил важные совещания, летал по всему миру в качестве главы государства – и при этом был похотливым козлом, трахавшим замужних женщин и избивавшим их, а потом еще и становившимся причиной их смерти.

Хорошенькое сочетание.

Для одного человека эта ноша была невыносимо тяжелой.

А Лютер чувствовал себя очень одиноким. И очень взбешенным.

Но самым печальным было то, что подонку все это сойдет с рук.

Уитни твердил себе, что, будь он на тридцать лет моложе, непременно ввязался бы в бой. Но от возраста никуда не деться. Нервы у него по-прежнему оставались крепче, чем у многих

людей, но, подобно камням на дне горной речки, с годами они обтерлись и были уже не такими, как прежде. Вязываться в драку – удел молодых, и тут уж ничего не поделаешь. Его время прошло. Но Лютер не мог с этим смириться. Он не может просто все забыть и жить дальше.

Снова посмотрев на себя в крохотное зеркало, Уитни не сдержался и громко застонал, наполнив тесное помещение болью раскаяния.

Никакими отговорками невозможно оправдать то, что он не сделал. Он не открыл зеркальную дверь. Не сбросил мужчину с Кристины Салливан. Правда заключалась в том, что он мог предотвратить смерть этой женщины. Если б он вмешался, та была бы жива. Он променял чужую жизнь на свою свободу, а может быть, и жизнь. Эта женщина защищалась, ей была нужна помощь, а он, Лютер, просто смотрел на это. Человеческое существо, не прожившее и трети того, что прожил он сам. Он струсил, смалодушничал, и сознание этого душило его, подобно огромной анаконде, угрожая раздавить все органы его тела.

Почувствовав, что ставшие ватными ноги не могут больше держать вес его тела, Уитни низко склонился над раковиной. Он больше не мог видеть свое отражение. Самолет задрожал, попав в зону турбулентности, и Лютера стошнило.

Прошло несколько минут, прежде чем он смочил бумажное полотенце холодной водой и вытер лицо и затылок. Наконец ему удалось кое-как доковылять до своего места. Ревя двигателями, самолет продолжал свой полет, и с каждой пройденной милей в груди у Лютера нарастало чувство вины.

* * *

Зазвонил телефон. Кейт взглянула на часы. Одиннадцать часов вечера. Обыкновенно она просеивала вызовы. Однако сейчас, по какой-то необъяснимой причине, ее рука сорвала трубку с аппарата до того, как включился автоответчик.

- Алло.
- Что это ты так рано ушла с работы?
- Джек?
- Как твоя нога?
- Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени?
- Просто проверяю своего пациента. Врачи никогда не спят.
- Твой пациент в полном порядке. Спасибо за заботу. – Помимо воли Кейт улыбнулась.
- Рожок сливочного мороженого с карамелью – этот рецепт меня никогда не подводит.
- О, значит, у тебя бывали и другие пациенты?
- Мой адвокат посоветовал мне не отвечать на этот вопрос.
- Тонкий ход.

Джек мысленно представил, как Кейт сидит, накручивая на палец кончик волос, точно так же, как поступала, когда они учились: он зубрил требования безопасности, она занималась французским.

- У тебя волосы на концах выются и без твоей помощи.

Отдернув палец, Кейт улыбнулась, затем нахмурилась. Это замечание вызвало наплыв воспоминаний, и не только хороших.

- Джек, уже поздно. Завтра у меня судебное заседание.

Встав, Грэм принялся расхаживать с беспроводным телефоном в руке, лихорадочно соображая. Все, что угодно, только чтобы задержать Кейт у телефона еще на несколько секунд. Ему стало стыдно, как будто он подсматривал. Джек непроизвольно обернулся. У него за спиной никого не было – по крайней мере, он никого не увидел.

- Извини, что позвонил так поздно.
- Ладно.

– И извини за то, что зашиб тебе ногу.

– За это ты уже извинялся.

– Да... Ну как ты? Я хочу сказать, помимо лодыжки?

– Джек, мне вправду нужно выпасться.

Он надеялся, что она это скажет.

– В таком случае расскажи мне это за обедом.

– Я же сказала тебе, что у меня суд.

– После суда.

– Джек, по-моему, это не очень хорошая затея. Больше того, я уверена, что это отвратительная затея.

Ему захотелось узнать, что она имела в виду. Он никак не мог избавиться от дурной привычки искать в ее словах скрытый смысл.

– Господи, Кейт, это всего лишь обед. Я же не прошу тебя выйти за меня замуж. – Джек рассмеялся, понимая, что безнадежно все испортил.

Кейт больше не теребила волосы. Она тоже встала, и зеркало в прихожей поймало ее отражение. Она потянула ворот ночной рубашки. У нее на лбу появились отчетливые складки.

– Извини, – поспешно пробормотал Джек. – Извини, я не хотел тебя обидеть. Послушай, я тебя угощаю. Должен же я на что-то тратить деньги.

Ответом ему было молчание. На самом деле он не был даже уверен в том, что Кейт его слушает.

Джек репетировал этот разговор на протяжении последних двух часов. Все возможные вопросы, ответы, намеки. Он будет говорить так гладко, Кейт отнесется к нему с таким пониманием... У них все получится. Пока что абсолютно ничто не шло в соответствии с планом. Джек решил перейти к запасному варианту. Он стал умолять.

– Пожалуйста, Кейт, мне очень хочется поговорить с тобой. Пожалуйста!

Она снова села, подобрав под себя ноги, и потеряла длинные пальцы на ногах. И глубоко вздохнула. Годы изменили ее далеко не так сильно, как она думала. Хорошо это или плохо? В настоящий момент Кейт не могла ответить на этот вопрос.

– Где и когда?

– «У Мортон»?

– Пообедать?

Джек воочию представил себе ее изумленное лицо при мысли об этом сверхдорогом ресторане. Сейчас она наверняка гадает, в каком он мире теперь живет.

– Хорошо, как насчет закуской в Старом городе рядом с Фаундер-парк, часа в два? Обеденный перерыв уже закончится, народа там будет немного.

– Это уже лучше. Но я ничего не обещаю. Если не смогу выбраться, я тебе позвоню.

Джек медленно выпустил задержанный воздух.

– Спасибо, Кейт.

Положив трубку, он рухнул на диван. Теперь, когда его замысел увенчался успехом, он гадал, что, черт возьми, делает. Что он скажет? Что она ответит? Джек не хотел ссоры. Он не солгал, ему просто хотелось поговорить с ней, увидеть ее. Только и всего. Джек повторял это себе снова и снова.

Пройдя в ванную, он сунул голову в раковину с холодной водой, затем схватил пиво, поднялся на крышу и сел в темноте у бассейна, наблюдая за самолетами, пролетающими вдоль Потомака к Национальному аэропорту. Сдвоенные красные огоньки обелиска Вашингтона подмигивали, стараясь его утешить. В восьми этажах под ним улицы затихли, лишь изредка доносился вой сирен полицейских машин и карет «Скорой помощи».

Окинув взглядом безмятежную гладь бассейна, Джек опустил ногу в остывшую воду и посмотрел на разбегающиеся по поверхности круги. Выпив пиво, спустился вниз и заснул

в кресле в гостиной перед бубнящим телевизором. Он не услышал, как звонил телефон; сообщения не было. Почти за тысячу миль от него Лютер Уитни положил трубку на телефон и закурил сигарету – первую за тридцать с лишним лет.

* * *

Пикап службы доставки «Федерал экспресс» медленно ехал по уединенной проселочной дороге. Водитель читал надписи на ржавых, покосившихся почтовых ящиках в поисках нужного адреса. Никогда еще ему не приходилось доставлять заказ в эту глушь. Пикап трясся на сплошных ухабах, которыми была усеяна узкая дорога.

Доехав до конца дороги, водитель свернул к последнему дому и начал сдавать задом. Лишь по чистой случайности он бросил взгляд на деревянную табличку рядом с дверью и увидел адрес. Покачав головой, улыбнулся. Что ж, иногда это бывает чистым везением...

Дом был маленький и неухоженный. Видавшие виды маркизы над окнами, распространенные лет за двадцать до того, как водитель появился на свет, провисли, словно бесконечно устали и думали лишь о том, как бы отдохнуть.

Пожилая женщина, открывшая дверь, носила платье в цветочек и толстый свитер, накинутый на плечи. Ее распухшие красные ноги говорили о плохом кровообращении и, возможно, целом букете прочих недугов. Похоже, женщина удивилась посылке, но с готовностью расписалась в квитанции.

Водитель взглянул на роспись: Эдвина Брум. Сев в машину, он уехал. Проводив его взглядом, женщина захлопнула дверь.

* * *

Затрещала рация.

Фред Барнс уже семь лет занимался этой работой. Разъезжал по району, где жили богатые, смотрел на большие дома, ухоженные лужайки, изредка на дорогие машины с похожими на манекены пассажирами, проезжающие по безупречному асфальту к массивным воротам. Он никогда не бывал внутри тех домов, которые охранял, и не рассчитывал, что такое когда-либо случится.

Барнс поднял взгляд на внушительное строение. От четырех до пяти миллионов, по его прикидкам. Денег больше, чем он смог бы заработать за пять жизней. Временами ему казалось, что это неправильно.

Барнс проверил сообщение на рации. Надо посмотреть, что к чему. Он не знал, в чем дело. Просто позвонил владелец и попросил проверить дом.

Ударивший в лицо холодный воздух заставил Барнса подумать о чашке горячего кофе с плюшками, а затем восьми часах сна, после чего он снова сядет в свой «Сатурн», чтобы провести еще одну ночь, охраняя собственность богатых. Зарплата была не такой уж и плохой, хотя социальный пакет оставлял желать лучшего. Жена Барнса также работала на полную ставку, но с тремя детьми их совокупных доходов едва хватало. Впрочем, сейчас всем приходится нелегко. Барнс окинул взглядом гараж на пять машин за домом, бассейн и теннисный корт. Ну, положим, не всем...

Завернув за угол, Барнс увидел свисающую из окна веревку, и все мысли о кофе с плюшками исчезли. Он присел на корточки, рука его метнулась к оружию. Схватив рацию, Барнс доложил обстановку, при этом голос его дрожал от волнения. Настоящая полиция прибудет через несколько минут. Можно дожидаться ее, а можно самому приступить к расследованию. Барнс рассудил, что за восемь долларов в час лучше оставаться на месте.

Первым подъехал его начальник в белоснежном универсале с эмблемой охранной фирмы на двери. Через тридцать секунд к дому свернула первая из пяти патрульных машин, и вскоре они выстроились на асфальтовой дорожке, словно перед железнодорожным переездом.

Двое полицейских остались прикрывать окно. Скорее всего, злоумышленники давным-давно покинули дом, однако в полицейском ремесле строить предположения опасно.

Четверо полицейских приблизились к входной двери, еще двое обошли дом сзади. Работая парами, они вошли в дом, отметив, что входная дверь не заперта, а сигнализация отключена. Удовлетворившись первым этажом, полицейские осторожно поднялись по широкой лестнице, напрягая слух и зрение на предмет малейших признаков какого-либо звука или движения.

Когда они поднялись на площадку второго этажа, обоняние сообщило сержанту, руководящему группой, что речь идет не о простом ограблении.

Четыре минуты спустя полицейские стояли вокруг того, что еще совсем недавно было молодой красивой женщиной. Пышущие здоровьем лица всех четверых стали мертвенно-бледными.

Сержант, мужчина лет пятидесяти с небольшим и отец троих детей, бросил взгляд на открытое окно. «Слава богу», – подумал он; даже несмотря на свежий воздух с улицы, атмосфера в комнате сводила с ума. Еще раз посмотрев на труп, сержант быстро подошел к окну и вдохнул полной грудью ночную прохладу.

Его дочь примерно такого же возраста. На мгновение он представил ее лежащей на полу: от лица одно лишь воспоминание, жизнь жестоко оборвана. Теперь дело было уже не в его компетенции, но ему очень захотелось одного: присутствовать при том, как схватят того, кто совершил это ужасающее злодеяние.

Глава 7

Сет Фрэнк был занят тем, что жевал сэндвич и в то же время пытался завязать бантики своей шестилетней дочери, собирающейся в школу, когда зазвонил телефон. Выражение лица жены сообщило ему все, что нужно было знать. Ленточками занялась она. Взяв трубку, Сет завязал галстук, слушая спокойный, деловой голос диспетчера. Через две минуты он уже сидел в своей машине; закрепив на крыше служебного «Форда» мигалку, хотя в этом не было никакой необходимости, полицейский помчался по пустынным проселочным дорогам округа, пульсируя зловещими синими огнями.

Высокое крепкое тело Фрэнка уже начало свой неизбежный путь к дряблости, а выющиеся черные волосы видали более пышные дни. Сорока одного года, отец троих дочерей, день ото дня становящихся все более сложными и непонятными, он уже давно пришел к заключению, что далеко не все в жизни имеет смысл. Но в целом он был счастливым человеком. Жизнь не нанесла ему нокаутирующих ударов. Пока что. Фрэнк проработал в правоохранительных органах достаточно долго и знал, как быстро это все может измениться.

Засунув в рот пластинку жевательной резинки, Сет принялся медленно жевать ее, а за окном мелькали компактные ряды сосен. Свою работу в правоохранительных органах он начал в одном из самых плохих кварталов Нью-Йорка, где понятие «ценность человеческой жизни» ничего не значило. Там ему довелось увидеть практически все способы того, как один человек может убить другого. Со временем Фрэнка назначили следователем, что бесконечно обрадовало его жену. По крайней мере, теперь ему предстояло появляться на месте преступления уже *после* того, как плохие ребята его покинули. Она стала лучше спать по ночам, сознавая, что страшный телефонный звонок, который разрушит ее жизнь, скорее всего, так и не раздастся. Это было все, на что она могла надеяться, связав свою жизнь с полицейским.

В конце концов Фрэнка назначили в отдел расследования убийств – что в его ремесле было самым сложным и ответственным делом. Однако через несколько лет он решил, что ему нравится и работа, и ответственность, но только не в объеме по семь трупов ежедневно. Поэтому перебрался на юг, в Вирджинию.

В настоящий момент Сет Фрэнк был старшим следователем отдела расследования убийств округа Миддлтон, что звучало громче, чем было на самом деле, поскольку так получилось, что он являлся единственным сотрудником отдела расследования убийств, работающим в округе. Однако относительно безобидные просторы сельского округа Вирджинии не требовали от Фрэнка серьезной работы. Средний душевой доход подведомственной ему территории зашкаливал. Да, людей убивали, но кроме жен, застреливших своих мужей, и наоборот, а также жадных до наследства подростков, прихлопнувших своих родителей, особых развлечений не было. Во всех этих случаях преступники были очевидны; работать приходилось не столько головой, сколько ногами. Но звонок диспетчера обещал, что такое положение дел может измениться.

Дорога петляла по лесам, затем вынырнула в обнесенные оградами зеленые поля, где лениво встречали утро нового дня породистые длинноногие скакуны. За внушительными воротами начинались дорожки, ведущие к жилищам избранных счастливчиков, которых на самом деле в Миддлтоне было предостаточно. Фрэнк заключил, что в данном деле ждать помощи от соседей не придется. Оказавшись в своей крепости, эти люди, вероятно, не слышат и не видят ничего, что происходит снаружи. К чему, несомненно, они и стремились, и щедро заплатили за такую привилегию.

Подъезжая к поместью Салливанов, Фрэнк поправил галстук, глядя на себя в зеркало заднего вида, и смахнул назад выбившуюся прядь волос. Он не питал особых симпатий к богатым, но в то же время и не испытывал к ним неприязни. Они были частью головоломки. Что подво-

дило к самой приятной стороне его ремесла. Ибо среди всех зигзагов, поворотов, заблуждений и откровенных ошибок маячил бесспорный трюизм: если ты убил другое человеческое существо, ты попадаешь в его, Фрэнка, ведение и в конечном счете будешь наказан. Каким именно оказывалось наказание, Сету обыкновенно не было дела. Главным было то, чтобы виновный предстал перед судом и, если он будет осужден, отбыл положенное наказание. Богатые, бедные и все посредине. Пусть профессиональное мастерство Фрэнка несколько притупилось – чутье никуда не делось. И в конечном счете он всегда предпочитал полагаться именно на чутье.

Свернув на дорожку, ведущую к дому, Сет заметил маленький комбайн, пожирающий кукурузное поле по соседству. Комбайнер внимательно наблюдал за действиями полиции. Вскоре информация быстрыми скачками распространится по всей округе. Комбайнер никак не мог знать, что он уничтожает улики, свидетельствующие о бегстве. Не знал это и Сет Фрэнк. Он выбрался из машины, накинул пиджак и поспешил в дом.

* * *

Засунув руки в карманы, Фрэнк медленно осмотрел комнату, впитывая в себя все детали пола, стен, скользнув взглядом по потолку и вернувшись к зеркальной двери, и наконец остановившись на том месте, где последние несколько дней пролежала убитая.

– Стю, делай фоток побольше, – сказал он. – Похоже, они нам пригодятся.

Фотограф-криминалист расхаживал по комнате, постепенно удаляясь от трупа, и старался запечатлеть на пленке все аспекты помещения, включая его единственного обитателя. Далее последует видеосъемка места преступления с подробными комментариями. Суд необязательно примет ее, но для следствия она будет бесценной. Подобно тому, как футболисты просматривают видеозапись игры, следователи снова и снова изучают видео с места преступления в поисках дополнительных улик, за которые можно ухватиться только при восьмом, десятом или сотом просмотре.

Веревка по-прежнему была привязана к шкафу и по-прежнему исчезала в окне. Но только теперь она была покрыта черным порошком для снятия отпечатков пальцев, которых, впрочем, на ней все равно не обнаружат. Для того чтобы спуститься по веревке, даже с завязанными узлами, обычно надевают перчатки.

К Фрэнку подошел Сэм Магрудер, старший полицейской группы. Он только что провел две минуты, высунувшись из окна и вдыхая свежий воздух. Лет пятидесяти с небольшим, с копной рыжих волос, венчающих пухлое лицо, лишенное растительности, Магрудер с большим трудом следил за тем, чтобы не расстаться с содержимым своего желудка. В комнату принесли большой вентилятор, все окна открыли нараспашку. Все сотрудники криминалистической бригады были в респираторах, однако вонь все равно оставалась невыносимой. Прощальная насмешка Природы. Какое прекрасное живое существо, и вот оно уже гниет и разлагается...

Взглянув на заметки, сделанные Магрудером, Фрэнк обратил внимание на зеленоватый оттенок его лица.

– Сэм, если ты будешь держаться подальше от окна, твое обоняние через четыре минуты полностью отключится. Так ты делаешь только хуже.

– Знаю, Сет. Мой мозг твердит мне это, но нос не желает слушать.

– Когда позвонил муж?

– Сегодня утром, в семь сорок пять по местному времени.

Фрэнк тщетно пытался разобраться в каракулях полицейского.

– А где он сам?

– На Барбадосе.

Сет склонил голову.

– Давно?

– Мы сейчас это проверяем.

– Правильно... Ну, Лора, сколько визитных карточек они оставили? – Фрэнк вопросительно посмотрел на эксперта-криминалиста Лору Саймон.

Та оторвалась от работы.

– Я почти ничего не нахожу, Сет.

Фрэнк подошел к ней.

– Ну же, Лора, она должна была наследить повсюду. А что насчет мужа? Горничной? Следы должны быть везде.

– Только я их не нахожу.

– Да ты издеваешься надо мной!

Саймон относилась к своей работе очень серьезно и была, пожалуй, лучшим дактилоскопистом из всех, с кем довелось работать Фрэнку, в том числе и в центральном управлении полиции Нью-Йорка, однако сейчас вид у нее был виновато-растерянным. Угольный порошок для снятия отпечатков пальцев был повсюду, и что, никаких результатов? Вопреки распространенному мнению, множество преступников оставляют на месте преступления отпечатки своих пальцев. Просто нужно знать, где искать. Лора Саймон это знала, но не могла ничего найти. Хотелось надеяться, что-нибудь даст анализ в лаборатории. Многие отпечатки просто нельзя увидеть, под каким бы углом их ни освещать. Именно поэтому они и называются невидимыми. Нужно просто посыпать порошком и обклеивать лентой все места, к которым мог прикоснуться преступник. И тогда, быть может, повезет.

– Я подготовила кое-что для отправки в лабораторию. После того как я воспользуюсь нингидрином¹², а остальное обработаю суперклеем, возможно, у меня появится что-либо еще.

Саймон прилежно вернулась к работе.

Фрэнк покачал головой. Суперклей, цианоакриловое соединение, пожалуй, является лучшим способом выпаривания; с его помощью можно снять отпечатки пальцев с таких предметов, что даже представить сложно. Вся проблема заключалась в том, что этому проклятому процессу требовалось много времени для того, чтобы сотворить свое волшебство. А вот времени как раз не было.

– Послушай, Лора, судя по виду тела, у плохих ребят и так уже очень приличная фора.

Саймон снова подняла на него взгляд.

– У меня есть еще один сложный цианоакриловый эфир, который я уже давно хочу испробовать в деле. Он действует быстрее. А еще всегда можно подпалить суперклей, чтобы ускорить процесс. – Она улыбнулась.

– Точно. – Следователь поморщился. – Когда ты сделала это в прошлый раз, нам пришлось эвакуировать здание.

– Я и не говорю, Сет, что наш мир идеален.

Магрудер кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Похоже, мы имеем дело с настоящими профессионалами.

Фрэнк строго посмотрел на полицейского.

– Это не профессионалы, Сэм, это преступники, убийцы. Они научились этому не в колледже, черт возьми.

– Так точно, сэр.

– Это натурально хозяйка дома? – поинтересовался Фрэнк.

– Кристина Салливан. – Магрудер указал на фотографию на ночном столике. – Конечно, мы это проверим.

– Свидетели есть?

---

¹² Нингидрин – синтетический реагент для обнаружения аминокислот.

– Ничего явного. Мы еще не опрашивали соседей. Займемся этим прямо сейчас.

Фрэнк продолжил составлять подробное описание состояния комнаты и находящегося в ней тела, затем составил тщательный план с указанием местонахождения всех предметов. Хороший адвокат может выставить неподготовленного свидетеля обвинения кандидатом на отправку в дурдом. Явиться на судебный процесс неподготовленным означает, что виновные окажутся на свободе.

Фрэнк усвоил этот урок, когда еще совсем молодым полицейским первым оказался на месте ограбления. Ему никогда в жизни не было так стыдно и обидно, как тогда, когда он покинул место свидетеля, а его показания были разорваны в клочья и, больше того, использованы в качестве основания для освобождения подзащитного. Если б в зал суда можно было заходить со своим табельным оружием, в тот день на земле стало бы одним адвокатом меньше.

Сет пересек комнату. Заместитель судмедэксперта, дородный седой мужчина, нещадно потеющий, несмотря на утреннюю свежесть за окном, опустил на труп юбку. Присев на корточки, Фрэнк изучил изящную руку, после чего осмотрел лицо женщины. Похоже, ее здорово избили. Одежда была пропитана продуктами жизнедеятельности организма. Вместе со смертью практически сразу же наступает расслабление сфинктера. Сочетание результирующих запахов было не из приятных. К счастью, несмотря на открытое окно, заражение насекомыми-паразитами было минимальным. Хотя криминалист-энтомолог, как правило, может установить время смерти точнее, чем патологоанатом, ни одного следователя не радует мысль обследовать человеческое тело, превратившееся в столовую для насекомых.

– Каково приблизительное время смерти? – спросил Фрэнк у судмедэксперта.

– От ректального термометра никакого прока не будет, если учесть, что температура тела опускается за час на полтора градуса. От семидесяти двух до восьмидесяти четырех часов. Скажу точнее после вскрытия. – Судмедэксперт выпрямился. – Огнестрельные ранения в голову, – добавил он, хотя ни у кого из присутствующих не было сомнений в том, что стало причиной смерти женщины.

– Я обратил внимание на следы у нее на шее.

Смерив Фрэнка взглядом, судмедэксперт пожал плечами.

– Да, они есть. Пока что я не могу сказать, что они означают.

– Я бы хотел получить результаты как можно скорее.

– Получишь. С подобными убийствами мы имеем дело нечасто. Сам знаешь, они получают приоритет.

Следователь слегка поморщился, услышав это замечание.

– Надеюсь, ты получишь удовольствие, общаясь с прессой. – Судмедэксперт выразительно посмотрел на него. – Журналисты набросятся на тебя роem пчел.

– Скорее ос.

Судмедэксперт пожал плечами.

– Уж лучше ты, чем я. Я уже слишком стар для этого дерьма. Ее можно забирать.

Собрав свои принадлежности, он ушел.

Фрэнк поднес к лицу маленькую ухоженную руку, посмотрел на ногти с профессиональным маникюром. Обратил внимание на ссадины на пальцах – вероятно, следы борьбы. Тело сильно раздулось; процесс разложения шел полным ходом, и повсюду орудовали бактерии. Трупное окоченение давно прошло, из чего следовало, что с момента смерти прошло значительно больше сорока восьми часов. Вместе с распадом мягких тканей конечности снова становились гибкими. Фрэнк вздохнул. Да, женщина уже долго лежала здесь. Это хорошо для убийцы – и плохо для полиции.

Фрэнк до сих пор не переставал поражаться тому, как меняет человека смерть. В этих распухших останках трудно было узнать человеческое существо, в то время как еще несколько дней назад... Если б обоняние Фрэнка уже не отключилось полностью, он не смог бы зани-

маться тем, к чему сейчас приступил. Но это неизбежное следствие работы в отделе расследования убийств. У тебя есть только мертвые клиенты.

Осторожно приподняв голову убитой, Фрэнк покрутил ее, подставляя к свету. Два небольших входных отверстия справа, одна большая зияющая рана с рваными краями слева. Судя по всему, крупный калибр. Стю уже сфотографировал раны с разных ракурсов, в том числе прямо сверху. Ровные края отверстий вместе с отсутствием ожогов на коже позволили Фрэнку заключить, что выстрелы были произведены с расстояния не меньше двух футов.

Раны от пуль маленького калибра, выпущенных в упор, когда дуло вплотную прижато к телу, и почти контактные раны от пуль, выпущенных с расстояния меньше двух дюймов, могли бы дать входные отверстия, похожие на те, что имелись на жертве. Однако в этом случае по всему пути пули на тканях останутся следы пороховых газов. Вскрытие даст определенный ответ на этот вопрос.

Затем Фрэнк изучил синяк с левой стороны подбородка. Он практически затерялся в естественной отечности разлагающегося тела, однако Сет повидал на своем веку достаточно трупов и сразу же определил разницу. Кожа представляла собой своеобразное сочетание зеленых, бурых и черных цветов. Такое мог оставить только сильный удар. Значит, мужчина? Это было очень странно. Фрэнк попросил Стю сделать снимок синяка крупным планом с цветовой шкалой. После чего положил голову на место с уважением, которое убитая заслуживала даже в таком состоянии.

Патологоанатом-криминалист, который будет проводить вскрытие, отнесется к ней не так почтительно.

Фрэнк медленно задрал юбку. Нижнее белье на месте. Протокол вскрытия даст ответ на очевидный вопрос.

Он ходил по комнате, следя за тем, чтобы не мешать криминалистам делать свою работу. Это хорошо, что они живут в богатом, пусть и преимущественно сельском округе: здесь налоговая база более чем достаточна для содержания первоклассной, пусть и малочисленной криминалистической бригады, оснащенной всеми новейшими технологиями и устройствами, теоретически упрощающими задачу поимки плохих парней.

Жертва упала на левый бок, по направлению от двери. Колени частично подобраны, левая рука откинута, правая у бедра. Лицо обращено на восток, перпендикулярно правой стороне кровати; женщина практически свернулась в зародышевый комок. Фрэнк потер нос. От начала к концу и обратно к началу. Никто не знает наперед, как ему предстоит покинуть этот бранный мир, ведь так?

С помощью Саймон он определил точное положение тела; рулетка скрипела, сматываясь в кассету. Почему-то этот звук звучал кощунственно в комнате смерти. Сет изучил положение тела относительно двери. Они с Саймон предварительно установили траекторию выстрелов. Все указывало на то, что пули, скорее всего, прилетели со стороны двери; однако если грабителя застали врасплох за работой, следовало бы ожидать обратного, разве не так? Однако была еще одна улика, которая должна была в значительной мере подтвердить то, откуда прилетели пули.

Фрэнк снова опустился на корточки рядом с телом. На ковре не было следов волочения, характер пятен и брызг крови указывал на то, что жертва была застрелена именно там, где упала. Фрэнк осторожно перевернул тело и снова задрал юбку. После смерти кровь под действием силы тяжести стекает в те части тела, которые расположены ниже всего, – это состояние называется посмертной синюшностью кожи. По прошествии четырех-шести часов кровь свертывается, синюшность фиксируется, и последующие перемещения тела не приводят к изменению распределения крови. Фрэнк положил тело на место. Все указывало на то, что Кристина Салливан умерла именно здесь.

Характер брызг крови также подкреплял то предположение, что убитая в момент смерти находилась лицом к кровати. Если так, куда она смотрела, черт побери? Обыкновенно человек, в которого вот-вот выстрелят, смотрит в сторону убийцы, умоляя пощадить его. Фрэнк не сомневался, что Кристина Салливан умоляла бы о пощаде. Он обвел взглядом роскошную обстановку. Этой женщине было ради чего жить.

Следователь тщательно изучил ковер, склонившись лицом к самой его поверхности. Брызги крови были распределены неравномерно, как будто что-то лежало перед убитой или чуть сбоку от нее. Возможно, впоследствии это окажется важным. О характере брызг крови написано много. Фрэнк относился к ним с уважением, но старался не искать в них какой-то особый смысл. Однако если что-то частично прикрыло ковер от крови, он хотел знать, что это было. Также его озадачило отсутствие пятен крови на платье. Это нужно отметить; возможно, тут что-то есть.

Саймон открыла «набор насильника» и с помощью Фрэнка взяла мазок из влагалища убитой. Затем они тщательно прочесали волосы на голове и лобковые волосы – и не нашли ничего, что сразу же бросалось в глаза как чужеродное. После чего сложили в пакет одежду убитой.

Внимательно осмотрев обнаженное тело, Фрэнк выразительно посмотрел на Саймон. Та поняла его без слов.

– Сет, тут ничего не будет.

– И все же сделай мне одолжение, Лори.

Саймон послушно открыла дактилоскопический набор и нанесла порошок на запястья, груди, шею и внутреннюю сторону плеч. Через несколько секунд она подняла взгляд на Фрэнка и медленно покачала головой. После чего сложила в пакеты все находки.

Фрэнк молча проследил, как тело завернули в белую простыню, уложили в мешок для трупов и отнесли к машине «Скорой помощи», которая без мигалок и сирен должна была отвезти Кристину Салливан туда, куда никто не хочет попасть.

Затем Сет осмотрел хранилище, обратив внимание на кресло и пульт дистанционного управления. Слой пыли на полу хранилища был потревожен. Саймон уже поработала здесь. На кресле нашлось пятно пыли. Однако хранилище было взломано: на двери и на косяке остались заметные следы от выломанного замка. Нужно будет вырезать это место и посмотреть, удастся ли найти след от инструмента. Посмотрев в дверь хранилища, Фрэнк покачал головой. Двухстороннее зеркало. Просто здорово. И это в спальне... Ему очень захотелось поскорее встретиться с хозяином дома.

Вернувшись в комнату, Фрэнк посмотрел на фотографию на ночном столике и перевел взгляд на Саймон.

– Сет, я уже все сделала, – сказала та.

Кивнув, Фрэнк взял фотографию. Красивая женщина, подумал он, по-настоящему красивая в смысле «трахни меня». Снимок был сделан в этой самой комнате, недавно умершая женщина сидела в кресле у кровати. Затем Сет заметил след на стене. Стены были покрыты настоящей штукатуркой, а не стеновыми панелями, и тем не менее отметина была глубокой. Фрэнк обратил внимание на то, что ночной столик чуть передвинули; вмятины в густом ворсе ковра выдавали его прежнее положение. Он повернулся к Магрудеру.

– Похоже, кого-то сюда толкнули.

– Вероятно, в ходе борьбы.

– Вероятно.

– Пулю нашли?

– Одна по-прежнему в ней.

– Я имел в виду другую, Сэм.

Фрэнк нетерпеливо тряхнул головой. Магрудер указал на стену за кроватью, где виднелось едва различимое отверстие.

Сет кивнул.

– Вырезайте кусок штукатурки, и пусть ребята в лаборатории ее извлекут. Ни в коем случае не выковыривай ее сам!

Дважды за последний год эксперты-трассологи оказывались не у дел из-за того, что чрезмерно усердные патрульные выковыривали пули из стен, уничтожая следы от нарезов.

– Гильзы есть?

Магрудер покачал головой.

– Если оружие убийства и выбрасывало стреляные гильзы, кто-то их собрал.

Фрэнк повернулся к Саймон.

– Какие сокровища обнаружил пылесос?

Мощный криминалистический пылесос, оснащенный несколькими фильтрами, использовался для обработки ковров и других поверхностей на предмет наличия волокон, волос и прочих мелких предметов, что очень часто давало отличные результаты, поскольку раз преступники не видели эти улики, они не пытались их уничтожить.

– Вот бы у меня дома ковер был таким чистым, – попытался пошутить Магрудер.

Фрэнк обвел взглядом свою бригаду.

– Ребята, мы нашли хоть какие-нибудь следы?

Все переглянулись, гадая, шутит он или нет. Они все еще пребывали в недоумении, когда Сет вышел из комнаты и спустился вниз.

У входной двери представитель компании, установившей охранную сигнализацию, разговаривал с полицейским в форме. Криминалист убирал крышку и провода в пластиковые пакеты. Фрэнку показали крошечный след на краске и микроскопическую стальную стружку, указывающие на то, что панель снимали. На оголенных концах проводов имелись маленькие зазубрины. Представитель компании с восхищением взирал на работу правонарушителя. К ним присоединился Магрудер; краска постепенно возвращалась на его лицо.

– Да, вероятно, он воспользовался счетчиком, – покачал головой представитель компании. – По крайней мере, все указывает на то.

– Что это такое? – вопросительно посмотрел на него Фрэнк.

– Компьютерный способ перебора большого числа цифровых комбинаций. Они последовательно вводятся в приемное устройство системы до тех пор, пока комбинация не окажется нужной. Знаете, точно так же, как взламывают банкоматы.

Фрэнк посмотрел на выпотрошенную коробку сигнализации и снова повернулся к представителю компании.

– Я удивлен, что это место оборудовано такой примитивной системой.

– Она вовсе не примитивная! – обиженно возразил представитель компании.

– В наши дни многие преступники пользуются компьютерами.

– Да, но все дело в том, что у этой крошки код из пятнадцати цифр, а не из десяти, и задержка всего сорок три секунды. Если не успеешь, ворота захлопнутся.

Фрэнк снова потер нос. Надо вернуться домой и принять душ. Запах смерти, в течение нескольких дней гревшейся в теплом помещении, оставляет несмываемые следы на одежде, волосах и коже. И в носовых пазухах.

– И что с того? – спросил Фрэнк.

– А то, что портативные модели, которые можно было бы использовать для подобной работы, просто не способны перебрать достаточное количество комбинаций за тридцать секунд. Твою мать, пятнадцать цифр дают квадриллион возможных комбинаций. Вряд ли этот тип притащил сюда большой компьютер.

– Почему только тридцать секунд? – вставил Магрудер.

Ему ответил Фрэнк.

– Сэм, ему нужно было время, чтобы снять крышку. – Он снова повернулся к представителю компании. – То есть что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать то, что, если этот тип вскрыл такую систему с помощью счетчика, ему заранее уже были известны определенные цифры. Возможно, половина, возможно, больше. Я имею в виду, что существуют системы, способные вскрыть эту клетку. Но речь не идет о дешевом «железе», и речь не идет о каких-то болванах с улицы, которые заглянули в ближайший радиомагазин и купили калькулятор. Конечно, с каждым днем компьютеры становятся все быстрее и все миниатюрнее, но вы должны понять, что быстродействие *вашего* оборудования еще не решает проблему. Нужно также принимать в расчет то, как быстро компьютер системы безопасности будет откликаться на поток хлынувших комбинаций. Скорее всего, он окажется более нерасторопным, чем ваше оборудование. И тут налицо серьезная проблема. Итог: на месте этих ребят я бы постарался обеспечить себе уютную, комфортную область; вы понимаете, что я хочу сказать? В этом ремесле второго шанса не бывает.

Фрэнк посмотрел на него, затем снова перевел взгляд на коробку сигнализации. Если этот парень прав, понятно, что все это означает. Мысли самого Сета уже двигались в том же самом направлении вследствие того, что входная дверь не была взломана и даже не имела видимых следов отмычки.

Представитель охранной компании тем временем продолжал:

– Я хочу сказать, можно полностью исключить эту возможность. Наши системы отказываются принимать большие массивы комбинаций, которые пытаются запихнуть им в горло. Так что от компьютеров толку никакого. Проблема в том, что системы настолько чувствительны к постороннему вмешательству, что регулярно срабатывают на владельцев, которые не могут запомнить код и правильно ввести его с одной-двух попыток. Черт возьми, у нас было столько ложных вызовов, что полиция начала нас штрафовать. Так что сами думайте, мать вашу.

Поблагодарив его, Фрэнк обошел остальные помещения дома. Тот, кто совершил эти преступления, знал, что делал. Преступники не действовали наскоком. А хорошая предварительная подготовка, как правило, означает такую же тщательную проработку путей отхода. И все-таки, вероятно, в планы преступников не входило вышибать мозги хозяйке дома.

Внезапно Фрэнк прислонился к дверному косяку, размышляя над словом, которое употребил его друг судмедэксперт: «раны».

Глава 8

Джек пришел рано. Его часы показывали один час тридцать пять минут. Он взял выходной и большую его часть провел, выбирая, что надеть; прежде это его никогда не беспокоило, однако сейчас вдруг показалось жизненно важным.

Поправив серый твидовый пиджак, Джек покрутил пуговицу белой хлопчатобумажной сорочки и в десятый раз поправил узел галстука.

Сходив в порт, он посмотрел, как матросы наводят порядок на «Вишневом цветке», прогулочном корабле, сделанном на манер старинных пароходов, ходивших по Миссисипи. Они с Кейт как-то раз плавали на нем во время первого года жизни в Вашингтоне, в редкий день, свободный от работы. Они перепробовали все развлечения, предназначенные для туристов. Тот день выдался теплым, как и сегодняшний, но тогда светило солнце. Сейчас с запада катили черные тучи; в это время года грозы во второй половине дня являются чем-то само собой разумеющимся.

Джек сидел на старой скамейке рядом с будкой дежурного по причалу, наблюдая за ленивым полетом чаек над покрытой зыбью водой. Капитолий был виден отсюда во всей своей красе. Госпожа Свобода, лишившаяся грязи, скопившейся за сто тридцать лет пребывания на открытом воздухе, благодаря недавней чистке величественно стояла наверху знаменитого купола. Джек подумал, что в этом городе все люди со временем покрываются грязью, здесь просто такое место.

Мысли Джека перешли к Сэнди Лорду, самому активному компаньону фирмы, обладающему бесконечным самомнением. Сэнди занимал особое положение в юридических и политических кругах столицы. Остальные партнеры опускали его фамилию в названии компании так, будто он только что сошел с горы Синай со своей собственной версией Десяти Заповедей, начинающихся с «Ты должен зарабатывать для “Паттон, Шоу и ЛОРД” как можно больше».

По иронии судьбы, именно Сэнди Лорд явился основной приманкой, когда Рэнсом Болдуин упомянул фирму. Он был одним из лучших, если не лучшим юристом в Вашингтоне, а их там пруд пруди. Перед Джеком открывались неограниченные возможности. Правда, он был далеко не уверен в том, что в числе этих возможностей было его личное счастье.

Также Джек точно не мог сказать, чего ждет от этого обеда. Он знал лишь то, что хочет увидеть Кейт Уитни. Очень хочет. Похоже, чем ближе становился день его свадьбы, тем больше он пятился назад. А куда ему отступать, как не к той женщине, которой четыре года назад он предлагал выйти за него замуж? Джек поежился, захлестнутый воспоминаниями. Он приходил в ужас при мысли о женитьбе на Дженнифер Болдуин. Ему было страшно, что вскоре его жизнь станет неузнаваемой.

Что-то заставило его обернуться – он сам не мог сказать, что именно. Но она стояла там, в конце причала, и смотрела на него. Ветер трепал ее длинную юбку, солнце воевало со сгущающимися тучами, но все-таки давало достаточно света, чтобы заискриться у нее на лице, когда она смахнула с глаз прядь длинных волос. Лодыжки и икры хранили летний загар. Свободная блузка оголяла плечи, показывая веснушки и крошечную родинку в форме полумесяца, которую Джек так любил гладить пальцем после того, как они заканчивали заниматься любовью, – она спала, а он ее разглядывал.

Грэм улыбнулся, увидев, что она направляется к нему. Должно быть, заглянула домой, чтобы переодеться. Определенно, это не ее доспехи для зала судебных заседаний; нынешняя одежда подчеркивала ту женственную сторону Кейт Уитни, которую никогда не увидят ее юридические противники.

Они прошли до маленькой закуской, сделали заказ и провели первые несколько минут, попеременно глядя в окно на приближающийся дождь и обмениваясь смущенными взглядами, словно подростки на первом свидании, стесняющиеся смотреть друг другу в глаза.

– Кейт, я очень благодарен тебе за то, что ты выкроила время.

Она пожала плечами.

– Мне здесь нравится. Я уже давненько сюда не заглядывала. Очень хорошо для разнообразия куда-нибудь выбраться. Обычно я обедаю на рабочем месте.

– Кофе и печенье?

Улыбнувшись, Джек уставился на ее зубы. Один слегка искривлялся внутрь, словно торопливо обнимал своего соседа. Этот зуб нравился ему больше всего. Он был у нее единственным недостатком, который Джек когда-либо замечал.

– Кофе и печенье, – улыбнулась в ответ Кейт. – И я сократилась всего до двух сигарет в день.

– Поздравляю.

Дождь начался в тот самый момент, когда им принесли заказанные блюда.

Оторвав взгляд от тарелки, Кейт посмотрела в окно, затем резко повернулась к Джеку. И поймала его за тем, что он пристально разглядывал ее. Смущенно улыбнувшись, Грэм отпил глоток сока.

Кейт положила салфетку на тарелку.

– Променад – очень большое место для случайной встречи.

Джек отвел взгляд.

– В последнее время мне часто везет.

Он посмотрел ей в глаза. Она ждала. Наконец Джек опустил плечи, признавая очевидное.

– Ну хорошо, тут было меньше случая и больше расчета. Но с результатами не поспоришь.

– И какие же это результаты? Обед?

– Я не заглядываю далеко вперед. Делаю за раз по одному шагу. Так видишь жизнь в новом разрешении. Перемена к лучшему.

– Ну, по крайней мере ты больше не защищаешь насильников и убийц, – не скрывая презрения, промолвила Кейт.

– И грабителей? – выпалил в ответ Джек и тотчас же пожалел об этом.

Лицо у нее стало серым.

– Извини, Кейт. Я не хотел.

Достав сигареты и спички, она закурила и выпустила дым ему в лицо.

Грэм отмахнулся от облачка.

– У тебя сегодня это первая или вторая?

– Третья. Почему-то ты всегда заставляешь меня чувствовать себя бесстрашной.

Отвернувшись к окну, Кейт закинула ногу на ногу. При этом ее нога прикоснулась к его колену, и она поспешно ее отдернула. Резким движением загасив сигарету в пепельнице, встала и схватила свою сумочку.

– Мне нужно возвращаться на работу. Сколько я тебе должна?

Джек изумленно уставился на нее.

– Я *пригласил* тебя на обед. К которому ты даже не притронулась.

Достав десятку, Кейт швырнула ее на стол и направилась к двери.

Бросив на стол вторую десятку, Джек поспешил за ней.

– Кейт!

Он нагнал ее уже на улице. Дождь усилился, и несмотря на то что Грэм растянул над ними свой пиджак, они быстро промокли насквозь. Похоже, Кейт этого не замечала. Она села в свою машину. Джек плюхнулся рядом. Кейт выразительно посмотрела на него.

– Мне правда нужно вернуться.

Шумно вздохнув, Грэм вытер дождь с лица. Крупные капли барабанили по крыше машины. Он чувствовал, что она сейчас ускользнет от него, и, быть может, навсегда. Теперь он совсем не знал, как себя вести. Но ему нужно было что-то сказать.

– Послушай, Кейт, на нас с тобой сухого места нет, и уже почти три часа. Давай приведем себя в порядок и завалимся в кино... Нет, можно уехать за город. Помнишь мотель «Виндзор-Инн»?

Кейт посмотрела на него, не скрывая абсолютного изумления.

– Джек, ты, случайно, не обговорил это с женщиной, с которой помолвлен?

Джек потупился. Ну что он должен был сказать? То, что не любит Дженнифер Болдуин, несмотря на то, что предложил ей выйти за него замуж? В настоящий момент Грэм даже не мог вспомнить, предлагал ли.

– Я просто хочу провести время с тобой, Кейт. Только и всего. Ничего плохого в этом нет.

– Нет, это плохо, Джек. *Плохо!*

Кейт попыталась вставить ключ в замок зажигания, но Грэм перехватил ее руку.

– Я не хочу затевать ссору.

– Джек, ты принял решение. Теперь уже слишком поздно отступать назад.

Он выразил всем своим видом бесконечное изумление.

– Прошу прощения, я принял решение? Больше четырех лет назад я принял решение жениться на тебе. Вот какое было мое решение. Твое же решение было положить всему конец.

Кейт смахнула с глаз мокрые волосы.

– Хорошо, это было мое решение. И что дальше?

Схватив за плечи, Джек повернул ее лицом к себе.

– Послушай, до меня это внезапно дошло прошлой ночью. О, какого черта!.. Это продолжается каждую ночь с тех самых пор, как ты ушла. Я понимаю, что совершил ошибку! Теперь я больше не государственный защитник. Ты права, я больше не защищаю преступников. Я веду солидный, добропорядочный образ жизни. Я... мы...

Он посмотрел в ее потрясенное лицо, и у него из головы разом исчезли все мысли. Руки затряслись. Отпустив Кейт, он бессильно рухнул на сиденье.

Сняв мокрый галстук, Джек засунул его в карман и уставился на маленькие часы на приборной панели. Кейт посмотрела на неподвижную стрелку спидометра, затем взглянула на него. В ее голосе прозвучала нежность, хотя в глазах чувствовалась боль.

– Джек, обед получился замечательным. Я была рада встретиться с тобой. Но на этом нужно остановиться. Извини.

Она прикусила губу, однако Грэм этого не заметил, поскольку выбирался из машины.

Обернувшись, он просунул голову в дверь.

– Желаю тебе всего хорошего. Если тебе когда-либо что-нибудь понадобится, обращайся.

Она не отрывала взгляда от его широких плеч. Джек прошел под дождем к своей машине, сел в нее и уехал. Кейт просидела неподвижно несколько минут. По щеке у нее скатилась слезинка. Сердито смахнув ее, она включила передачу и тронулась в противоположную сторону.

* * *

Утром на следующий день Джек снял трубку, затем медленно положил ее на место. Действительно, какой в этом смысл? Он был на работе с шести утра; сначала разобрался с накопившимися неотложными делами, затем занялся тем, что откладывалось на дальнюю полку уже в течение нескольких недель. Грэм выглянул в окно. Солнце рикошетом отражалось от бетона и кирпичных поверхностей. Протерев слезящиеся от яркого света глаза, он опустил шторы.

Необходимо смириться с тем, что Кейт больше не вернется в его жизнь. Всю ночь напролет Джек мысленно прокручивал все возможные сценарии, по большей части безумно-нере-

алистичные. Он пожал плечами. Подобные вещи происходят каждый день по всему миру. Иногда что-то просто не получается. Даже если хочешь этого больше всего на свете. Нельзя усилием воли заставить кого-то снова полюбить тебя. Необходимо двигаться дальше. Ему есть куда двигаться. Быть может, пришла пора наслаждаться тем будущим, которое у него точно есть...

Сев за стол, Джек методично прошелся по двум делам – одному совместному проекту, чисто механической работе, не требующей ума, и заказу своего единственного клиента помимо «Болдуин», Тарра Кримзона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.